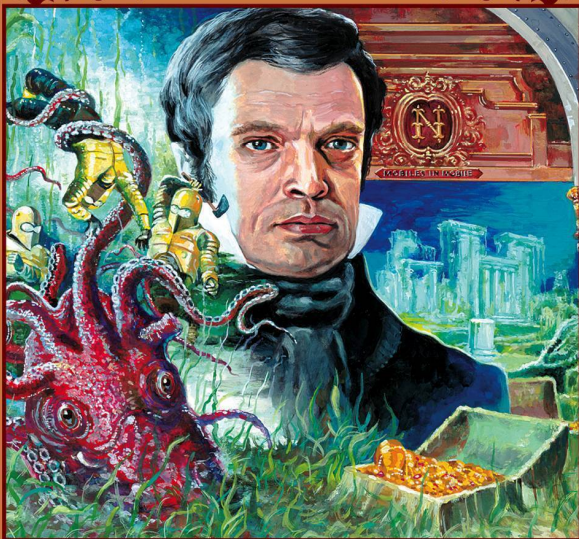

ЖЮЛЬ
ВЕРН

Двадцать тысяч лье
ПОД ВОДОЙ

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Жюль Габриэль Верн

Двадцать тысяч лье под водой

Серия «Зарубежная классика (АСТ)»

Текст предоставлен изд-вом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121781

Вокруг света в восемьдесят дней. Двадцать тысяч лье под водой.

Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-17-058189-4

Аннотация

Когда профессор Пьер Аронакс, его слуга Консель и китобой Нед Ленд отправились на поиски неизвестной науке рыбы, они и представить не могли, чем обернется их экспедиция. Странное морское чудище оказывается не живым существом, а... подводной лодкой «Наутилус». Но куда больше вопросов вызывает ее хозяин – загадочный капитан Немо, прошлое которого окутано тайнами. Вместе им предстоит исследовать бескрайние океанские просторы и пройти под водой двадцать тысяч лье...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
Глава первая	4
Глава вторая	15
Глава третья	25
Глава четвертая	34
Глава пятая	45
Глава шестая	54
Глава седьмая	67
Глава восьмая	78
Глава девятая	91
Глава десятая	102
Глава одиннадцатая	116
Глава двенадцатая	128
Глава тринадцатая	139
Глава четырнадцатая	150
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Жюль Верн

Двадцать тысяч лье под водой

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Плавающий риф

1866 год ознаменовался удивительным происшествием, которое, вероятно, еще многим памятно. Не говоря уже о том, что слухи, ходившие в связи с необъяснимым явлением, о котором идет речь, волновали жителей приморских городов и континентов, они еще сеяли тревогу и среди моряков. Купцы, судовладельцы, капитаны судов, шкиперы как в Европе, так и в Америке, моряки военного флота всех стран, даже правительства различных государств Старого и Нового Света были озабочены событием, не поддающимся объяснению.

Дело в том, что с некоторого времени многие корабли стали встречать в море какой-то длинный, фосфоресциру-

ющий, веретенообразный предмет, далеко превосходивший кита как размерами, так и быстротой передвижения.

Записи, сделанные в бортовых журналах разных судов, удивительно схожи в описании внешнего вида загадочного существа или предмета, неслыханной скорости и силы его движений, а также особенностей его поведения. Если это было китообразное, то, судя по описаниям, оно превосходило величиной всех доньше известных в науке представителей этого отряда. Ни Кювье, ни Ласепед, ни Дюмериль, ни Катрфаж не поверили бы в существование такого феномена, не увидев его собственными глазами, вернее, глазами ученых.

Оставляя без внимания чересчур осторожные оценки, по которым в пресловутом существе было не более двухсот футов длины, отвергая явные преувеличения, по которым оно рисовалось каким-то гигантом – в ширину одна миля, в длину три мили! – все же надо было допустить, придерживаясь золотой середины, что диковинный зверь, если только он существует, в значительной степени превосходит размеры, установленные современными зоологами.

По свойственной человеку склонности верить во всякие чудеса легко понять, как взволновало умы это необычное явление. Некоторые пытались было отнести всю эту историю в область пустых слухов, но напрасно! Животное все же существовало; этот факт не подлежал ни малейшему сомнению.

Двадцатого июля 1866 года судно «Гавернор-Хиггинсон» пароходной компании «Калькутта энд Бернах» встретило

огромную плавучую массу в пяти милях от восточных берегов Австралии. Капитан Бэкер поначалу решил, что он обнаружил не занесенный на карты риф; он принялся было устанавливать его координаты, но тут из недр этой темной массы вдруг вырвалось два водяных столба и со свистом взлетели в воздух футов на полтораста. Что за причина? Подводный риф, подверженный извержениям гейзеров? Или же просто-напросто какое-нибудь морское млекопитающее, которое выбрасывало из ноздрей вместе с воздухом фонтаны воды?

Двадцать третьего июля того же года подобное явление наблюдалось в водах Тихого океана с парохода «Кристовал-Колон», принадлежащего Тихоокеанской Вест-Индской паровой компании. Слыханное ли дело, чтобы какое-либо китообразное способно было передвигаться с такой сверхъестественной скоростью? В течение трех дней два парохода – «Гавернор-Хиггинсон» и «Кристовал-Колон» – встретили его в двух точках земного шара, отстоящих одна от другой более чем на семьсот морских лье!¹

Пятнадцать дней спустя в двух тысячах лье от вышеупомянутого места пароходы «Гельвеция», Национальной паровой компании, и «Шанон», паровой компании «Рояль-Мэйл», шедшие контргалсом, встретившись в Атлантическом океане на пути между Америкой и Европой, обнаружили морское чудовище под 42°15 северной широты и 60°35

¹ Морское лье равно 5555 метрам.

долготы, к западу от Гринвичского меридиана. При совместном наблюдении установили на глаз, что в длину млекопитающее по меньшей мере достигает трехсот пятидесяти английских футов.² Они исходили из того расчета, что «Шанон» и «Гельвеция» были меньше животного, хотя оба имели по сто метров от форштевня до ахтерштевня. Самые громадные киты, что водятся в районе Алеутских островов, и те не превышали пятидесяти шести метров в длину, – если вообще достигали подобных размеров!

Эти донесения, поступившие одно вслед за другим, новые сообщения с борта трансатлантического парохода «Пэрер», столкновение чудовища с судном «Этна», акт, составленный офицерами французского фрегата «Нормандия», и обстоятельный отчет, поступивший от commodора Фитц-Джеймса с борта «Лорд-Кляйда», – все это серьезно встревожило общественное мнение. В странах, легкомысленно настроенных, феномен служил неисчерпаемой темой шуток, но в странах положительных и практических, как Англия, Америка, Германия, им живо заинтересовались.

Во всех столицах морское чудовище вошло в моду: о нем пелись песенки в кафе, над ним издевались в газетах, его выводили на подмостках театров. Для газетных уток открылась оказия нести яйца всех цветов. Журналы принялись извлекать на свет всяких фантастических гигантов, начиная от белого кита, страшного «Моби Дика» арктических стран, до

² Английский фут равен 30,4 сантиметра.

чудовищных осьминогов, которые в состоянии своими щупальцами опутать судно в пятьсот тонн водоизмещением и увлечь его в пучины океана. Извлекли из-под спуда старинные рукописи, труды Аристотеля и Плиния, допускавших существование морских чудовищ, норвежские рассказы епископа Понтопидана, сообщения Поля Геггеда и, наконец, донесения Харингтона, добропорядочность которого не подлежит сомнению, утверждавшего, что в 1857 году, находясь на борту «Кастиллана», он собственными глазами видел чудовищного морского змея, до того времени посещавшего только воды блаженной памяти «Конститусьонель».

В ученых обществах и на страницах научных журналов поднялась нескончаемая полемическая возня между верующими и неверующими. Чудовищное животное послужило волнующей темой. Журналисты, поклонники науки, в борьбе со своими противниками, выезжавшими на остроумии, пролили в эту памятную эпопею потоки чернил; а некоторые из них даже пролили две-три капли крови, потому что из-за этого морского змея дело буквально доходило до схваток!

Шесть месяцев длилась эта война с переменным успехом. На серьезные научные статьи журналов Бразильского географического института, Берлинской королевской академии наук, Британской ассоциации, Смитсоновского института в Вашингтоне, на дискуссию солидных журналов «Индиан Аршипелаго», «Космоса» аббата Муаньо, «Миттейлугген» Петерманна, на научные заметки солидных француз-

ских и иностранных газет бульварная пресса отвечала неистощимыми насмешками. Пародируя изречение Линнея, приведенное кем-то из противников чудовища, журнальные остроумцы утверждали, что «природа не создает глупцов», и заклинали своих современников не оскорблять природу, приписывая ей создание неправдоподобных спрутов, морских змей, разных «Моби Диков», которые существуют-де только в расстроенном воображении моряков! Наконец, популярный сатирический журнал в лице известного писателя, ринувшегося на морское чудо, как новый Ипполит, нанес ему, при всеобщем смехе, последний удар пером юмориста. Остроумие победило науку.

В первые месяцы 1867 года вопрос о новоявленном чуде, казалось, был похоронен, и, по-видимому, ему не предстояло воскреснуть. Но тут новые факты стали известны публике. Дело шло уже не о разрешении интересной научной проблемы, но о серьезной действительной опасности. Вопрос принял новое освещение. Морское чудище превратилось в остров, скалу, риф, но риф блуждающий, неуловимый, загадочный!

Пятого марта 1867 года пароход «Моравиа», принадлежавший Монреальской океанской компании, под $27^{\circ}30'$ широты и $72^{\circ}15'$ долготы ударился на полном ходу о подводные скалы, не обозначенные ни на каких штурманских картах. Благодаря попутному ветру и машине в четыреста лошадиных сил пароход делал тринадцать узлов. Удар был настоль-

ко сильный, что, не обладая корпус судна исключительной прочностью, столкновение кончилось бы гибелью парохода и двухсот тридцати семи человек, считая команду и пассажиров, которых он вез из Канады.

Столкновение произошло около пяти часов утра, на рассвете. Вахтенные офицеры кинулись к корме. Они осмотрели поверхность океана самым тщательнейшим образом. Но ничего подозрительного не заметили, если не считать большой волны, поднятой на водной глади на расстоянии трех кабельтовых. Установив координаты, «Моравиа» продолжала свой путь без явных признаков аварии. На что же наткнулся пароход? На подводный риф или на остов разбитого корабля? Никто этого не знал. Но позже, в доке, при осмотре подводной части судна, оказалось, что часть киля повреждена.

Происшествие, само по себе серьезное, вероятно, было бы вскоре предано забвению, подобно многим другим, если бы три недели спустя оно не повторилось при тех же условиях. И благодаря тому, что пострадавшее судно шло под флагом крупной державы и принадлежало влиятельной пароходной компании, несчастный случай получил широкую огласку.

Имя английского судовладельца Кюнарда известно всякому. Этот ловкий делец открыл в 1840 году регулярное почтовое сообщение между Ливерпулем и Галифаксом, имея три деревянных колесных парохода мощностью в четыреста лошадиных сил и водоизмещением в тысячу сто шестьдесят две тонны.

Восемь лет спустя количество судов паровой компании увеличилось четырьмя судами мощностью в шестьсот пятьдесят лошадиных сил и водоизмещением в тысячу восемьсот двадцать тонн. А двумя годами позже прибавились еще два судна, превосходившие своих предшественников мощностью и тоннажем. В 1853 году паровая компания Кюнарда возобновила преимущественное право перевозить спешную почту и постепенно ввела в состав своей флотилии новые суда, как то: «Аравия», «Персия», «Китай», «Шотландия», «Ява», «Россия». Все эти суда отличались быстрым ходом и размерами уступали только «Грейт-Истерну». В 1867 году паровая компания владела двенадцатью судами, из которых восемь было колесных и четыре винтовых.

Вдаваясь в такие подробности, я хочу яснее показать значение этой компании морского пароходства, которая своей четкостью в работе приобрела мировую известность. Ни одно трансокеанское паровое предприятие не было руководимо с таким умением; ни одно дело не увенчалось таким успехом. В течение двадцати шести лет суда пароходства Кюнарда две тысячи раз пересекли Атлантический океан, ни разу не отменив рейса, ни разу не опоздав против расписания, ни разу не потеряв ни одного письма, ни одного человека, ни одного судна за время своего плавания! И по сию пору, несмотря на сильную конкуренцию со стороны Франции, пассажиры предпочитают паровую компанию Кюнарда всем прочим компаниям, как это видно из официаль-

ных документов за последние годы. Приняв во внимание все эти обстоятельства, легко понять, какой поднялся шум вокруг аварии, постигшей один из лучших пароходов компании Кюнарда.

Тринадцатого апреля 1867 года «Шотландия» находилась под 15°12 долготы и 45°37 широты. Море было спокойное, дул легкий ветерок. Тысячесильная машина сообщала пароходу скорость в тринадцать и сорок три сотых узла. Колеса парохода равномерно рассекали морские волны. Осадка судна равнялась шести метрам семидесяти сантиметрам, а его водоизмещение – шести тысячам шестистам двадцати четырем кубическим метрам.

В четыре часа семнадцать минут пополудни, в то время как пассажиры завтракали в кают-компании, корпус парохода вздрогнул от легкого удара в кормовую часть, несколько позади колеса левого борта.

По характеру толчка можно было предположить, что удар был нанесен каким-то острым предметом. Притом толчок был настолько слабым, что никто на борту не обратил бы на это внимания, если бы не кочегары, которые, взбежав на палубу, кричали:

– Течь в трюме! Течь в трюме!

В первую минуту пассажиры, естественно, всполошились, но капитан Андерсон успокоил их. Действительно, судну не грозила опасность. Пароход, разделенный на семь отсеков водонепроницаемыми переборками, мог не бояться какой-то

легкой пробоины.

Капитан Андерсон тотчас же спустился в трюм. Он установил, что пятый отсек залит водой и, судя по скорости, с которой вода прибывала, пробоина в борту была значительна. К счастью, в этом отсеке не было паровых котлов, иначе вода мгновенно погасила бы топки.

Капитан Андерсон распорядился остановить машины и затем приказал одному из матросов, опустившись в воду, осмотреть пробоину. Через несколько минут было выяснено, что в подводной части парохода имеется пробоина шириной в два метра. Таковую пробоину не было возможности заделать, и «Шотландия», с колесами, наполовину погруженными в воду, продолжала свой путь. Авария произошла в трехстах милях от мыса Клэр. Итак, «Шотландия» пришла в Ливерпульский порт и причалила к пристани компании с опозданием на три дня, вызвав тем самым живейшее беспокойство.

Пароход поставили в сухой док, и инженеры компании осмотрели судно. Они не верили своим глазам. В корпусе судна, в двух с половиной метрах ниже ватерлинии, зияла пробоина в виде равнобедренного треугольника. Края пробоины были ровные, их как бы вырезали резцом. Очевидно, орудие, пробившее корпус судна, обладало замечательной закалкой. Притом, пробив листовое железо толщиной в четыре сантиметра, оно само собой высвободилось из пробоины! Это обстоятельство было уже совершенно необъяснимо!

С того времени все морские катастрофы от невыясненных причин стали относить на счет животного. Мифическому зверю пришлось отвечать за многие кораблекрушения. А число их, к сожалению, значительно, ибо двести по крайней мере из трех тысяч судов, о гибели которых ежегодно сообщается в «Бюро-Веритас», считаются «пропавшими без вести».

Так или иначе, но по милости «чудовища» сообщение между материками становилось все более и более опасным, и общественное мнение настоятельно требовало, чтобы моря были очищены любой ценой от грозного китообразного.

Глава вторая

«За» и «против»

В то время, когда происходили описываемые события, я возвращался из путешествия по штату Небраска в Северной Америке, предпринятого с целью изучения этого неизведанного края. Французское правительство прикомандировало меня к научной экспедиции как адъюнкт-профессора при Парижском музее естественной истории. Собрав за шесть месяцев странствий по Небраске драгоценнейшие коллекции, я в конце марта прибыл в Нью-Йорк. Я предполагал выехать во Францию в первых числах мая. Итак, досуг, оставшийся до отъезда, я посвятил классификации моих минералогических, ботанических и зоологических богатств. Именно в это время и произошла авария с пароходом «Шотландия».

Я был, разумеется, в курсе событий, беспокоивших общественное мнение, да и могло ли быть иначе? Я читал и перечитывал все американские и европейские газеты, но ясности в вопрос, волновавший всех, они не вносили. Таинственная история подстрекала мое любопытство. В поисках истины я бросался из одной крайности в другую. Что тут крылась тайна, сомневаться не приходилось, а скептикам предоставлялось право «вложить перст в раны» «Шотландии».

Я приехал в Нью-Йорк в самом разгаре споров, поднятых

вокруг этого события. Предположения относительно блуждающего острова, неуловимого рифа, выдвинутые лицами малокомпетентными, были окончательно отброшены. И в самом деле, как мог бы передвигаться с такой скоростью пресловутый риф, если бы у него не было мощной машины? Отвергнута была и гипотеза о блуждающем острове потонувшего гигантского корабля, передвигавшегося также с необъяснимой скоростью.

Оставались два возможных решения вопроса, имевшие своих сторонников: одни приписывали все беды животному колоссальной величины, другие предполагали существование подводного судна с необычайно мощным двигателем.

Последнее предположение, наиболее правдоподобное, отпало в результате расследования, произведенного в обоих полушариях. Трудно было предположить, чтобы частное лицо владело подобным судном. Где и когда было оно построено? И как строительство такого гиганта могло сохраниться в тайне?

Только государство в состоянии было создать механизм, обладающий столь разрушительной силой. В нашу эпоху, когда человеческий ум изощряется в изобретении смертоносных орудий, легко допустить, что какое-нибудь государство втайне от остальных соорудило и испытывало эту грозную машину. После ружей Шасепо – торпеды, после торпед – подводные тараны, потом – затишье. По крайней мере я на это надеюсь.

Но предположение относительно военного подводного корабля рухнуло ввиду поступивших от всех правительств заявлений об их непричастности к этому делу. В искренности правительственных заявлений нельзя было усомниться, поскольку опасность угрожала международным трансокеанским сообщениям. И помимо того, как могло ускользнуть от общественного внимания сооружение гигантского подводного судна? Сохранить тайну в подобных условиях чрезвычайно трудно частному лицу и совершенно немыслимо отдельному государству, за каждым действием которого ревниво следят могущественные державы-соперницы.

Итак, после того как были наведены справки в Англии, Франции, России, Пруссии, Испании, Италии, Америке и даже в Турции, гипотеза насчет подводного монитора решительно отпала.

Опять на поверхность вод, несмотря на насмешки бульварной прессы, всплыло пресловутое чудовище, и возбужденное воображение рисовало самые нелепые картины из области ихтиологической фантастики.

По приезде моем в Нью-Йорк многие лица оказывали честь консультироваться со мной по этому волнующему вопросу. Еще в бытность мою во Франции я выпустил в свет книгу в двух томах in-quarto,³ озаглавленную «Тайны морских глубин». Эта книга, встретившая хороший прием в научном мире, создала мне славу специалиста в сравнительно

³ В четверть бумажного листа (*лат.*).

мало изученной отрасли естественной истории. Меня просили высказать свое мнение по этому вопросу. Но, поскольку в моем распоряжении не было никакого фактического материала, я уклонялся, ссылаясь на свою полную неосведомленность. Однако, прижатый к стене, я вынужден был вынести свое суждение. И «уважаемый Пьер Аронакс, профессор Парижского музея», к которому обратились репортеры «Нью-Йорк геральд» с просьбой «сформулировать свое суждение», наконец сдался.

Я заговорил, потому что молчание становилось уже неприличным. Я рассмотрел вопрос со всех сторон, с политической и научной. Привожу выдержку из статьи, появившейся 30 апреля в газете.

«Итак, – писал я, – взвесив одну за другой все выдвинутые гипотезы и не имея иных более солидных предположений, приходится допустить существование морского животного, обладающего огромной силой.

Глубинные слои океана почти не исследованы. Никакой зонд еще не достигал до них. Что творится в неведомых безднах? Какие существа живут и могут жить в двенадцати или пятнадцати милях под уровнем вод? Что за организм у этих животных? Любое предположение было бы гадательным.

Решение стоящей перед нами задачи может быть двояким. Или нам известны все виды существ, населяющих нашу планету, или они не все нам известны.

Если нам известны не все виды живых существ, если в об-

ласти ихтиологии природа хранит от нас тайны, нет никаких оснований не допускать существования рыб или китообразных неизвестных нам видов или даже родов, особых «глубоководных» организмов, приспособленных жить в глубинных водных слоях и только лишь в силу каких-то физических законов или, если угодно, причуд природы всплывающих порой на поверхность океана.

Если же, напротив, нам известны все виды живых существ, то нужно искать животное, о котором идет речь, среди уже классифицированных морских животных, и в этом случае я готов допустить существование *гигантского нарвала*.

Обыкновенный нарвал, или единорог, часто достигает шестидесяти футов в длину. Упятерите, удесятерите его размеры, наделите животное силой, пропорциональной его величине, соответственно увеличьте его бивень, и вы получите представление о чудовище! Животное приобретает размеры, указанные офицерами «Шанона», бивень, способный нанести пробоину пароходу «Шотландия», и силу, достаточную, чтобы протаранить корпус океанского парохода.

В самом деле, нарвал вооружен подобием костяной шпаги, алебардой, по выражению некоторых натуралистов. Это огромный рог, обладающий твердостью стали. Следы от ранений не однажды находили на теле китов, которых нарвал всегда атакует с успехом. Случалось, что осколки бивня нарвала извлекали из деревянных корпусов судов, которые они

пробивают насквозь, как бурав просверливает бочонок. Музей парижского медицинского факультета располагает бивнем длиной в два метра двадцать пять сантиметров, который у основания достигает в окружности сорока восьми сантиметров.

Так вот! Представим себе бивень в десять раз больше, животное в десять раз сильнее, вообразим, что оно движется со скоростью двадцати миль в час, помножим массу животного на скорость, и вы поймете возможную причину катастрофы.

Итак, в ожидании более полных сведений я склоняюсь к мнению, что мы имеем дело с морским единорогом гигантских размеров, вооруженным уже не алебардой, а настоящим тараном, как броненосные фрегаты и другие военные суда, столь же массивные, как они, и наделенные такой же двигательной силой.

Так объясняю я это необъяснимое явление при условии, что такое явление имело место в действительности, а не было плодом расстроенного воображения, — что тоже возможно».

Последние слова были с моей стороны уловкой: я хотел сохранить свое достоинство ученого и не дать повода для насмешек американцев, которые мастера подшутить. Я оставил себе путь для отступления. В сущности же я был убежден в существовании «чудовища».

Статья моя вызвала горячие споры и получила широкую известность. У меня даже появились единомышленники. Предложенное в ней решение задачи давало, впрочем,

полную свободу воображению. Человеческий ум склонен создавать величественные образы гигантов. И море – именно та область, та единственная стихия, где эти гиганты, перед которыми земные животные, слоны и носороги, просто пигмеи, могут рождаться и существовать. Водная среда вырашивает самые крупные виды млекопитающих, и, может быть, в ней живут исполинские моллюски, наводящие ужас ракообразные, омары в сто метров длиной, крабы весом в двести тонн! Как знать? Некогда земные животные, современники геологических эпох, четвероногие, четверорукие, пресмыкающиеся, птицы были созданы по гигантским образцам. Они были отлиты в колоссальные формы, затем время сократило их в размере. Почему не допустить, что море в своих неизведанных глубинах сохранило величественные образчики жизни отдаленнейших эпох, – оно, которое не подвержено никаким изменениям, меж тем как земная кора непрестанно эти изменения претерпевает? Почему бы морю не сохранить в своем лоне последние виды титанических существ, годы которых равны векам, а века – тысячелетиям?

Но я предаюсь мечтаниям, с которыми мне приличествовало бы бороться! Прочь порождение фантазии! В будущем все это обратилось в ужасную действительность! Повторяю, природа необычайного явления не вызывала больше сомнений, и общество признало существование диковинного существа, не имеющего ничего общего со сказочными морскими змеями.

Но если для некоторых вся эта таинственная история имела чисто научный интерес, то для людей более практических, особенно для американцев и англичан, заинтересованных в безопасности трансокеанских сообщений, со всей очевидностью вставала необходимость очистить океан от страшного зверя. Пресса, представлявшая интересы промышленных и финансовых кругов, рассматривала вопрос принципиально, именно с этой практической стороны. «Шипнинг энд Меркэнтайл газет», «Ллойд», «Пакебот», «Ревю-маритим-колонналь» – все эти органы, финансируемые страховыми обществами, грозившими повысить страховые обложения, высказались на этот счет единодушно.

Общественное мнение, и в первую очередь Соединенные Штаты, поддержало инициативу страховых обществ. В Нью-Йорке стали готовиться к экспедиции, специально предназначенной для поимки нарвала. Быстроходный фрегат «Авраам Линкольн» должен был в ближайшее время выйти в море. Военные склады были открыты для капитана Фарагута, и капитан спешно снаряжал свой фрегат.

Но, как это часто случается, именно в то время, когда было решено снарядить экспедицию, животное перестало появляться. Целых два месяца не было о нем слуху. Ни одно судно с ним не встречалось. Единорог словно почувствовал, что против него составляется заговор. Об этом столько говорили! Сносились даже по трансатлантическому подводному кабелю! Шутники уверяли, что этот плут перехватил ка-

кую-нибудь телеграмму и принял меры предосторожности.

Итак, фрегат был снаряжен в дальнейшее плавание, снабжен грозными китобойными снарядами, а в какую сторону держать ему путь, никто не знал. Напряженное состояние достигало предела, как вдруг 2 июля прошел слух, что пароход, совершающий рейсы между Сан-Франциско и Шанхаем, недели три тому назад встретил животное в северных водах Тихого океана.

Известие это произвело чрезвычайное впечатление. Капитану Фарагуту не дали и двадцати четырех часов отсрочки. Продовольствие было погружено на борт. Трюмы наполнены доверху углем. Команда была в полном составе. Оставалось только разжечь топки, развести пары и отшвартоваться! Ему не простили бы и нескольких часов промедления! Впрочем, капитан Фарагут и сам рвался выйти в море.

За три часа до отплытия «Авраама Линкольна» мне вручили письмо следующего содержания:

«Господину Аронаксу, профессору Парижского музея

Гостиница «Пятая авеню»

Нью-Йорк

Милостивый государь!

Если Вы пожелаете присоединиться к экспедиции на фрегате «Авраам Линкольн», правительство Соединенных Штатов Америки выразит удовлетворение, узнав, что в Вашем лице Франция приняла участие в настоящем предприятии. Капитан

Фарагут предоставит в Ваше распоряжение каюту.

Совершенно преданный Вам морской министр
Д. Б. Гобсон».

Глава третья

Как будет угодно господину профессору

В момент получения письма от господина Гобсона я столько же думал об охоте за единорогом, сколько о попытке прорваться сквозь ледовые поля Северо-Западного прохода. Однако, прочитав письмо морского министра, я сразу же понял, что истинное мое призвание, цель всей моей жизни в том и заключается, чтобы уничтожить это зловредное животное и тем самым избавить от него мир.

Я только что возвратился из тяжелого путешествия, страшно устал, нуждался в отдыхе. Я так мечтал вернуться на родину, к друзьям, в свою квартиру при Ботаническом саде, к моим милым, драгоценным коллекциям! Но ничто не могло меня удержать от участия в экспедиции. Усталость, друзья, коллекции – все было забыто! Не раздумывая, я принял приглашение американского правительства.

«Впрочем, – размышлял я, – все пути ведут в Европу! И любезный единорог, пожалуй, приведет меня к берегам Франции! Почтенное животное не лишит меня удовольствия привезти в Парижский музей естествознания в качестве экспоната не менее полуметра его костяной алебарды».

Но в ожидании далекого будущего предстояло выслежи-

вать нарвала в северных водах Тихого океана – иными словами, держать путь в противоположную сторону от Франции.
– Консель! – крикнул я в нетерпении.

Консель был моим слугой и сопровождал меня во всех моих путешествиях. Я любил его, и он платил мне взаимностью. Флегматичный по природе, добропорядочный из принципа, исполнительный по привычке, философски относившийся к неожиданным поворотам судьбы, мастер на все руки, всегда готовый услужить, он, вопреки своему имени,⁴ никогда не давал советов – даже когда к нему обращались за таким.

Соприкасаясь постоянно с кругами нашего ученого мирка при Ботаническом саде, Консель и сам кое-чему научился. Он специализировался в области естественнонаучной классификации, наловчился с быстротой акробата пробегать всю лестницу типов, групп, классов, подклассов, отрядов, семейств, родов, подродов, видов и подвидов. Но его познания на этом и кончались. Классифицировать – это была его стихия, дальше он не шел. Сведущий в теории классификации, но слабо подготовленный практически, он, я думаю, не сумел бы отличить кашалота от беззубого кита! И все же какой хороший малый!

Вот уже десять лет Консель сопровождает меня во всех научных экспедициях. И я никогда не слышал от него жалобы, если путешествие затягивалось или сопровождалось

⁴ Conseil (*фр.*) – совет.

большими тяготами. Он готов был каждую минуту ехать со мной в любую страну, будь то Китай или Конго, каким бы далеким ни был путь. Он готов был безоговорочно следовать за мной повсюду. Притом он мог похвалиться завидным здоровьем, при котором не страшны никакие болезни, крепкими мускулами и, казалось, полным отсутствием нервов.

Ему было лет тридцать, и возраст его относился к возрасту его господина, как пятнадцать к двадцати. Да простится мне несколько усложненная форма, в которую вылилось мое признание в том, что мне сорок лет!

Но у Конселя был один недостаток. Неисправимый формалист, он обращался ко мне не иначе как в третьем лице – манера, раздражавшая меня.

– Консель! – вторично позвал я, с лихорадочной торопливостью принимаясь за сборы к отъезду.

В преданности Конселя я был уверен. Обыкновенно я не спрашивал, согласен ли он сопровождать меня в поездке, но на этот раз речь шла об экспедиции, которая могла затянуться на неопределенное время, о предприятии рискованном, об охоте за животным, способным пустить ко дну фрегат, как ореховую скорлупу! Было над чем задуматься даже самому флегматичному человеку!

– Консель! – крикнул я в третий раз.

Консель появился.

– Господин профессор изволил звать меня? – спросил он, входя.

– Да, друг мой, собирай мои вещи и собирайся сам. Мы едем через два часа.

– Как будет угодно господину профессору, – отвечал Консель спокойно.

– Нельзя терять ни минуты. Уложи в чемодан все мои дорожные принадлежности, костюмы, рубашки, носки, и как можно побольше и поживей!

– А коллекции господина профессора? – спросил Консель.

– Мы займемся ими позже.

– Как так? Архиотерии, гиракотерии, ореодоны, херопотамусы и прочие скелеты ископаемых...

– Они останутся на хранение в гостинице.

– А бабирусса?

– Ее будут кормить в наше отсутствие. Впрочем, я распоряжусь, чтобы все наше хозяйство отправили во Францию.

– А мы разве едем не в Париж? – спросил Консель.

– Да... конечно... только придется, пожалуй, сделать небольшой крюк...

– Как будет угодно господину профессору. Крюк так крюк!

– Совсем пустячный! Мы только несколько уклонимся от прямого пути, вот и все! Мы отплываем на фрегате «Авраам Линкольн».

– Как будет угодно господину профессору, – отвечал покорно Консель.

– Знаешь, мой друг, речь идет о чудовище... о знаменитом нарвале. Мы очистим от него моря! Автор книги в двух томах, in-quarto, «Тайны морских глубин» не может отказаться сопровождать капитана Фарагута в экспедиции. Миссия почетная, но... и опасная! Тут придется действовать вслепую. Зверь может оказаться с причудами! Но будь что будет! Наш капитан не даст промаха!..

– Куда господин профессор, туда и я, – отвечал Консель.

– Подумай хорошенько! Я от тебя ничего не хочу утаивать. Из таких экспедиций не всегда возвращаются.

– Как будет угодно господину профессору.

Через четверть часа чемоданы были уложены. Консель живо справился со сборами, и можно было поручиться, что он ничего не забыл, потому что он так же хорошо классифицировал рубашки и платье, как птиц и млекопитающих.

Служитель гостиницы перенес наши вещи в вестибюль. Я стремглав сбежал по нескольким ступеням в нижний этаж. Расплатился по счету в конторе, где вечно толпились приезжие. Я распорядился, чтобы тюки с препарированными животными и засушенными растениями были отправлены во Францию (в Париж). Открыв солидный кредит своей бабической руссе, я, а следом за мной и Консель прыгнули в карету.

Экипаж, нанятый за двадцать франков, спустился по Бродвею до Юнион-сквер, свернул на Четвертую авеню, проехал по ней до скрещения с Боуэри-стрит, затем повернул на Ка-

трин-стрит и остановился у Тридцать четвертого пирса.⁵ Отсюда на Катринском пароме нас доставили – людей, лошадей и карету – в Бруклин, главный пригород Нью-Йорка, расположенный на левом берегу Ист-Ривер. Через несколько минут карета была у причала, где стоял «Авраам Линкольн», из двух труб которого валил дым густыми клубами.

Наш багаж тотчас погрузили на палубу. Я избежал по трапу на борт корабля. Спросил капитана Фарагута. Матрос провел меня на ют. Там меня встретил офицер с отличной выправкой.

Протянув мне руку, он спросил:

– Господин Пьер Аронакс?

– Он самый, – отвечал я. – Капитан Фарагут?

– Собственной персоной! Добро пожаловать, господин профессор! Каюта к вашим услугам.

Я откланялся и, не отвлекая внимания капитана от хлопот, связанных с отплытием, попросил лишь указать предназначенную мне каюту.

«Авраам Линкольн» был отлично приспособлен для своего нового предназначения. Это был быстроходный фрегат, оборудованный самыми совершенными машинами, которые работали при давлении пара до семи атмосфер. При таком давлении «Авраам Линкольн» достигал средней скорости в восемнадцать и три десятых мили в час, скорости значительной, но, увы, недостаточной для погони за гигантским кито-

⁵ Пирс – причальная линия пристани.

образным.

Внутренняя отделка фрегата отвечала его мореходным качествам. Я был вполне удовлетворен своей каютой, которая находилась на кормовой части судна и сообщалась с кают-компанией.

– Нам будет здесь удобно, – сказал я Конселю.

– Удобно, как раку-отшельнику в раковине моллюска-трубача, с позволения сказать! – ответил Консель.

Я предоставил Конселю распаковывать чемоданы, а сам поднялся на палубу, посмотреть на приготовления к отплытию.

В эту самую минуту капитан Фарагут приказал отдать концы, удерживавшие «Авраама Линкольна» у Бруклинской пристани. Опоздай я на четверть часа, даже и того менее, фрегат ушел бы, и мне не пришлось бы участвовать в этой необычной, сверхъестественной, неправдоподобной экспедиции, самое достоверное описание которой могут счесть за чистейший вымысел.

Капитан Фарагут не желал терять ни дня, ни часа; он спешил выйти в моря, в которых было замечено животное.

Он вызвал старшего механика.

– Давление достаточное? – спросил его капитан.

– Точно так, капитан, – отвечал механик.

– Go ahead!⁶ – распорядился капитан Фарагут. Приказание сейчас же было передано в машинное отделение по аппа-

⁶ Вперед! (англ.)

рату, приводимому в действие сжатым воздухом; механики повернули пусковой рычаг. Пар со свистом устремился в золотники. Поршни привели во вращение гребной вал. Лопасти винта стали вращаться со все возрастающей скоростью, и «Авраам Линкольн» величественно тронулся в путь, сопровождаемый сотней катеров и буксиров, переполненных людьми, устроившими эти торжественные проводы.

Набережные Бруклина и вся часть Нью-Йорка вдоль Ист-Ривер были полны народа. Троекратное «ура», вырвавшееся из пятисот тысяч уст, следовало одно за другим. Тысяча платков взвилась в воздухе над густой толпой, приветствовавшей «Авраама Линкольна», пока он не вошел в воды Гудзона у оконечности полуострова, на котором расположен Нью-Йорк.

Фрегат, придерживаясь живописного правого берега у Нью-Джерси, сплошь застроенного виллами, прошел мимо фортов, которые салютовали ему из самых больших орудий. «Авраам Линкольн» в ответ троекратно поднимал и опускал американский флаг с тридцатью девятью звездами, развевавшийся на гафеле; затем, когда судно, меняя курс, чтобы войти в отмеченный бакенами фарватер, который округляется во внутренней бухте, образуемой оконечностью Санди-Хука, огибало эту песчаную отмель, его снова приветствовала многотысячная толпа.

Процессия катеров и буксиров провожала фрегат до двух плавающих маяков, огни которых указывают судам вход в Нью-

Йоркский порт.

Было три часа пополудни. Лоцман покинул свой мостик, сел в шлюпку, которая доставила его на шхуну, ожидавшую под ветром. Увеличили пары; лопасти винта все быстрее рас-секали воду; фрегат шел вдоль песчаного и низкого берега Лонг-Айленда и к восьми часам, потеряв из виду на северо-востоке огни Файр-Айленда, пошел под всеми парами по темным водам Атлантического океана.

Глава четвертая

Нед Ленд

Капитан Фарагут был опытный моряк, поистине достойный фрегата, которым он командовал. Составляя со своим судном как бы одно целое, он был его душой. Существование китообразного не подлежало для него никакому сомнению, и он не допускал на своем корабле никаких кривотолков по этому поводу. Он верил в существование животного, как иные старушки верят в библейского Левиафана – не умом, а сердцем. Чудовище существовало, и капитан Фарагут освободит от него моря, – он в этом поклялся. Это был своего рода родосский рыцарь, некий Дьедоне де Гозон, вступивший в борьбу с драконом, опустошавшим его остров. Либо капитан Фарагут убьет нарвала, либо нарвал убьет капитана Фарагута. Середины быть не могло.

Команда разделяла мнение своего капитана. Надо было послушать, как люди толковали, спорили, обсуждали, взвешивали возможные шансы на скорую встречу с животным! И как они наблюдали, вглядываясь в необозримую ширь океана! Даже те офицеры, которые в обычных условиях считали вахту каторжной обязанностью, готовы были дежурить лишний раз. Пока солнце описывало на небосводе свой дневной путь, матросы взбирались на рангоут, потому что доски палубы жгли им ноги и они не могли там стоять на одном ме-

сте. А между тем «Авраам Линкольн» еще не рассекал своим форштевнем подозрительных вод Тихого океана!

Что касается экипажа, у него было одно желание: встретить единорога, загарпунить его, втащить на борт, изрубить на куски. За морем наблюдали с напряженным вниманием. Кстати сказать, капитан Фарагут пообещал премию в две тысячи долларов тому, кто первым заметит животное, будь то юнга, матрос, боцман или офицер. Можно себе вообразить, с каким усердием экипаж «Авраама Линкольна» всматривался в море!

И я не отставал от других, выстаивая целыми днями на палубе. Наш фрегат имел все основания именоваться «Аргусом». Один Консель выказывал полное равнодушие к волновавшему нас вопросу и не разделял возбужденного настроения, царившего на борту.

Я уже говорил, что капитан Фарагут озаботился снабдить свое судно всеми приспособлениями для ловли гигантских китов. Ни одно китобойное судно не могло быть снаряжено лучше. У нас были все современные китобойные снаряды, начиная от ручного гарпуна до мушкетонов с зазубренными стрелами и длинных ружей с разрывными пулями. На баке стояла усовершенствованная пушка, заряжавшаяся с казенной части, с очень толстыми стенками и узким жерлом, модель которой была представлена на Всемирной выставке 1867 года. Это замечательное орудие американского образца стреляло четырехкилограммовыми снарядами кони-

ческой формы на расстоянии шестнадцати километров.

Итак, «Авраам Линкольн» был снаряжен всеми видами смертоносных орудий. Мало того! На борту фрегата находился Нед Ленд, король гарпунеров.

Нед Ленд, уроженец Канады, был искуснейшим китобоем, не знавшим соперников в своем опасном ремесле. Ловкость и хладнокровие, смелость и сообразительность сочетались в нем в равной степени. И нужно было быть весьма коварным китом, очень хитрым кашалотом, чтобы увернуться от удара его гарпуна.

Неду Ленду было около сорока лет. Это был высокого роста – более шести английских футов, – крепкого сложения, суровый с виду мужчина; необщительный, вспыльчивый, он легко впадал в гнев при малейшем противоречии. Наружность его обращала на себя внимание; и больше всего поражало волевое выражение глаз, придававшее его лицу особенную выразительность.

Я считаю, что капитан Фарагут поступил мудро, пригласив этого человека к участию в экспедиции: по твердости руки и верности глаза он один стоил всего экипажа. Неда Ленда можно было уподобить мощному телескопу, который одновременно был и пушкой, всегда готовой выстрелить.

Канадец – тот же француз, и я должен признаться, что Нед Ленд, несмотря на свой необщительный нрав, почувствовал ко мне некоторое расположение. По-видимому, его влекла моя национальность. Ему представлялся случай поговорить

со мной по-французски, а мне послушать старый французский язык, которым писал Рабле, язык, сохранившийся еще в некоторых провинциях Канады. Нед вышел из старинной квебекской семьи, в его роду было немало смелых рыбаков еще в ту пору, когда город принадлежал Франции.

Понемногу Нед разговорился, и я охотно слушал его рассказы о пережитых злоключениях в полярных морях. Рассказы о рыбной ловле, о поединках с китами дышали безыскусственной поэзией. Повествование излагалось в эпической форме, и порой мне начинало казаться, что я слушаю какого-то канадского Гомера, поющего «Илиаду» гиперборейских стран!

Я описываю этого отважного человека таким, каким я его знаю теперь. Мы стали с ним друзьями. Мы с ним связаны нерушимыми узами дружбы, которая зарождается и крепнет в тяжелых жизненных испытаниях! Молодчина Нед! Я не прочь бы прожить еще сто лет, чтобы подольше вспоминать о тебе!

Однако какого же мнения держался Нед Ленд насчет морского чудища? Надо признаться, он не верил в существование фантастического единорога и один из всех на борту не разделял общего ослепления. Он избегал даже касаться этой темы, на которую однажды я пытался с ним заговорить.

Великолепным вечером 30 июля, короче говоря, через три недели после того, как мы отвалили от набережных Бруклина, фрегат находился вблизи мыса Бланка, в тридцати милях

под ветром от патагонских берегов. Мы пересекли тропик Козерога, и, менее чем в семистах милях к югу, перед нами откроется вход в Магелланов пролив. Еще восемь дней, и «Авраам Линкольн» будет бороздить воды Тихого океана!

Сидя с Недом Лендом на юте, мы толковали о разных пу-
стяках, не сводя глаз с моря, таинственные глубины которо-
го все еще недоступны человеческому взору. Разговор, есте-
ственно, перешел на гигантского единорога, и я стал переби-
рать различные возможные случаи, в зависимости от кото-
рых повышались или падали шансы на успех нашей экспеди-
ции. Но видя, что Нед уклоняется от разговора, я поставил
вопрос прямо.

– Как можете вы, Нед, – сказал я, – сомневаться в суще-
ствовании китообразного, за которым мы охотимся? Какие
у вас основания не доверять фактам?

Гарпунер поглядел на меня с минуту. Прежде чем отве-
тить, привычным жестом хлопнул себя по лбу, закрыл глаза,
как бы собираясь с мыслями, и, наконец, сказал:

– Основания веские, господин Аронакс.

– Послушайте, Нед! Вы китобой по профессии, вам до-
водилось не раз иметь дело с крупными морскими млеко-
питающими. Вам легче, чем кому-либо, допустить возмож-
ность существования гигантского китообразного. Кому-ко-
му, а вам-то не пристало в данном случае быть маловером!

– Вы ошибаетесь, господин профессор, – отвечал Нед. –
Если невежда верит, что какие-то зловещие кометы бороз-

дят небо, что в недрах земного шара обитают допотопные чудовищные животные, – куда ни шло! Но астроному и геологу смешны подобные сказки. Также и китобою. Я много раз охотился за китообразными, много их загарпунил, множество убил, но как бы ни были велики и сильны эти животные, ни своим хвостом, ни бивнем они не в состоянии пробить металлическую обшивку парохода.

– Однако, Нед, рассказывают же, что бывали случаи, когда зуб нарвала протаранивал суда насквозь.

– Деревянные суда еще возможно! – отвечал канадец. – Впрочем, я этого не видел. И пока не увижу своими глазами, не поверю, что киты, кашалоты и единороги могут произвести подобные пробойны.

– Послушайте, Нед...

– Увольте, профессор, увольте! Все, что вам угодно, только не это. Разве что гигантский спрут...

– Еще менее вероятно, Нед! Спрут – это мягкотелое. Уже самое название указывает на особенности его тела. Имей он хоть пятьсот футов в длину, спрут остается живым беспозвоночным и, следовательно, совершенно безопасным для таких судов, как «Шотландия» и «Авраам Линкольн». Пора сдать в архив басни о подвигах разных спрутов и тому подобных чудовищ!

– Итак, господин естествоиспытатель, – спросил Нед с некоторой иронией, – вы убеждены в существовании гигантского китообразного?

– Да, Нед! И убеждение мое основывается на логическом сопоставлении фактов. Я уверен в существовании млекопитающего мощного организма, принадлежащего, как и киты, кашалоты или дельфины, к подтипу позвоночных и наделенного костным бивнем исключительной крепости.

– Гм! – произнес гарпунер, с сомнением покачав головой.

– Заметьте, почтеннейший канадец, – продолжал я, – если подобное животное существует, если оно обитает в океанских глубинах, в водных слоях, лежащих в нескольких милях под уровнем моря, оно, несомненно, должно обладать организмом огромной жизненной силы.

– А на что ему такая сила? – спросил Нед.

– Сила нужна, чтобы, обитая в глубинах океана, выдерживать давление верхних слоев воды.

– В самом деле? – сказал Нед, глядя на меня прищуренным глазом.

– В самом деле! И в доказательство могу привести несколько цифр.

– Э-э! Цифры! – заметил Нед. – Цифрами можно оперировать как угодно!

– В торговых делах, Нед, но не в математике. Выслушайте меня. Представим себе давление в одну атмосферу в виде давления водяного столба высотой в тридцать два фута. В действительности высота водяного столба должна быть несколько меньшей, поскольку морская вода обладает большей плотностью, чем пресная. Итак, когда вы ныряете в во-

ду, Нед, ваше тело испытывает давление в столько атмосфер, иначе говоря, в столько килограммов на каждый квадратный сантиметр своей поверхности, сколько столбов воды в тридцать два фута отделяют вас от поверхности моря. Отсюда следует, что на глубине в триста двадцать футов давление равняется десяти атмосферам, на глубине в три тысячи двести футов – ста атмосферам, и в тридцать две тысячи футов, то есть на глубине двух с половиной миль, – тысяче атмосфер. Короче говоря, если бы вам удалось опуститься в столь сказочные глубины океана, на каждый квадратный сантиметр вашего тела приходилось бы давление в тысячу килограммов. А вам известно, уважаемый Нед, сколько квадратных сантиметров имеет поверхность вашего тела?

– И понятия не имею, господин Аронакс.

– Около семнадцати тысяч.

– Да неужто?

– А так как в действительности атмосферное давление несколько превышает один килограмм на квадратный сантиметр, то семнадцать тысяч квадратных сантиметров вашего тела испытывают в настоящую минуту давление семнадцати тысяч пятисот шестидесяти восьми килограммов!

– А я этого не замечаю?

– А вы этого и не замечаете. Под этим огромным давлением ваше тело не сплющивается потому лишь, что воздух, находящийся внутри вашего тела, имеет столь же высокое давление. Отсюда совершенное равновесие между давлени-

ем извне и давлением изнутри, нейтрализующееся одно другим. Вот почему вы и не замечаете этого давления. Но в воде совсем другое дело.

– А-а! Понимаю, – отвечал Нед, внимательно слушавший. – Вода не воздух, она давит извне, а внутрь не проникает!

– Вот именно, Нед! На глубине тридцати двух футов вы будете испытывать давление в семнадцать тысяч пятьсот шестьдесят восемь килограммов; на глубине трехсот двадцати футов это давление удесятерится, то есть будет равно ста семидесяти пяти тысячам шестистам восьмидесяти килограммам; наконец, на глубине тридцати двух тысяч футов давление увеличится в тысячу раз, то есть будет равно семнадцати миллионам пятистам шестидесяти восьми тысячам килограммов; образно говоря, вас сплющило бы почище всякого гидравлического прессы!

– Фу-ты, дьявол! – сказал Нед.

– Ну-с, уважаемый гарпунер, если позвоночное длиной в несколько сот метров и крупных пропорций может держаться в таких глубинах, стало быть, миллионы квадратных сантиметров его поверхности испытывают давление многих миллиардов килограммов. Какой же мускульной силой должно обладать животное и какая должна быть сопротивляемость его организма, чтобы выдерживать такое давление!

– Надо полагать, – отвечал Нед Ленд, – что на нем обшив-ка из листового железа в восемь дюймов толщиной, как на

броненосных фрегатах!

– Пожалуй, что так, Нед. И подумайте, какое разрушение может нанести подобная масса, ринувшись со скоростью курьерского поезда на корпус корабля!

– Да-а... точно... может случиться... – отвечал канадец, смущенный цифровыми выкладками, но все же не желавший сдаваться.

– Ну-с, убедились вы, а?

– В одном вы меня убедили, господин естествоиспытатель, что ежели подобные животные существуют в морских глубинах, надо полагать, они и впрямь сильны, как вы говорите.

– Но если б они не существовали, упрямый вы человек, так чем вы объясните случай с пароходом «Шотландия»?

– А тем... – сказал Нед нерешительно.

– Ну, ну, говорите!

– А тем... что все это враки! – ответил Нед, бессознательно повторяя знаменитый ответ Араго.

Но ответ этот доказывал лишь упрямство гарпунера и ничего более. В тот день я оставил его в покое. Происшествие с пароходом «Шотландия» не подлежало ни малейшему сомнению. Пробоина была настолько основательной, что ее пришлось заделывать, и я не думаю, что требовались доказательства более убедительные. Не могла же пробоина возникнуть сама собой; а поскольку всякая мысль о возможности удара о подводный риф или какой-либо китобойный снаряд

исключалась, все приписывалось таранящему органу животного.

Итак, в силу соображений, изложенных выше, я относил животное к подтипу позвоночных, классу млекопитающих, к отряду китообразных. Что же касается семейства, что же касается рода, вида, к которому его надлежало отнести, это выяснится только впоследствии. Чтобы разрешить этот вопрос, нужно было вскрыть неизвестное чудовище; чтобы вскрыть, нужно было его изловить; чтобы изловить, нужно было его загарпунить – это было делом Неда Ленда; чтобы загарпунить, нужно было его выследить, а это было делом всего экипажа; а чтобы его выследить, нужно было его встретить, что было уже делом случая!

Глава пятая

Наудачу!

Вначале плавание «Авраама Линкольна» протекало однообразно. Только однажды случай предоставил Неду Ленду проявить свою удивительную сноровку, снискавшую ему всеобщее уважение.

Тридцатого июня, на широте Фолклендских островов, фрегат снесся с встречным американским китобойным судном «Монроэ»; но оказалось, что там ничего не слышали о нарвале. Капитан китобоя, узнав, что на борту «Авраама Линкольна» находится Нед Ленд, обратился к нему с просьбой помочь им загарпунить кита, которого они выследили в здешних водах. Капитан Фарагут, любопытствуя увидеть Неда Ленда в деле, разрешил гарпунеру перейти на борт «Монроэ». Охота сложилась удачно для нашего канадца. Вместо одного кита он загарпунил двух: одного уложил на месте, попав гарпуном в самое сердце, за другим пришлось охотиться несколько минут.

Право, не поручусь за жизнь животного, доведись ему иметь дело с гарпунером Недом Лендом!

Мы прошли с большой скоростью мимо юго-восточного берега Южной Америки, и 3 июля, на долготе мыса Дев, были наконец у входа в Магелланов пролив. Но капитан Фарагут не пожелал входить в этот извилистый пролив и взял курс

на мыс Горн.

Экипаж единодушно одобрил решение капитана. И в самом деле, возможно ли было встретить нарвала в этом узком проходе? Матросы в большинстве были убеждены, что чудовище «слишком толсто, чтобы заплывать в такую щель».

Шестого июля, около трех часов пополудни, «Авраам Линкольн» обогнул в пятнадцати милях к югу тот уединенный остров, ту скалу на оконечности Южной Америки, которую голландские моряки называли в честь своего родного города мысом Горн. Обогнув мыс Горн, мы взяли курс на северо-запад, и на другое утро винт фрегата рассекал воды Тихого океана.

«Гляди в оба! Гляди в оба!» – говорили друг другу матросы «Авраама Линкольна».

И они действительно смотрели во все глаза. Награда в две тысячи долларов прельщала каждого. И глаза и зрительные трубы не знали ни минуты покоя! И днем и ночью пристально вглядывались в поверхность океана; и люди, страдающие никталопией, имели вдвое больше шансов получить премию, потому что в темноте они отлично видели.

Премия не прельщала меня, но тем не менее я внимательно вглядывался в море. Наскоро обедал, тревожно спал. И, несмотря на палящий зной, несмотря на проливные дожди, не уходил с палубы. То перегнувшись через борт на баке, то опершись о поручни на шканцах, я жадно впивался глазами во вспененные гребни бурунов, исчертивших морскую

ширь до самого горизонта! И сколько раз приходилось мне волноваться вместе с экипажем, стоило из воды показаться черной спине кита! Валили валом матросы на палубу. Затаив дыхание, напрягая зрение, вся команда следила за животным. Я тоже смотрел, смотрел, рискуя повредить сетчатку, ослепнуть! Флегматичный Консель неизменно говорил:

– Господин профессор видел бы много лучше, если бы меньше утруждал глаза!

Но напрасны были наши тревожения! Случалось, «Авраам Линкольн», лавируя, чуть ли не вплотную подходил к выслеженному животному. Но оказывалось, это был обыкновенный кит или кашалот, который пускался в бегство при криках взбешенной команды.

Погода стояла прекрасная. Плавание проходило при благоприятных условиях, хотя время года было самое дождливое, потому что в Южном полушарии июль соответствует нашему европейскому январю; море было спокойное, видимость отличная.

Нед Ленд по-прежнему относился скептически к нашим тревогам. Он демонстративно не выходил на палубу в часы, свободные от вахты. А между тем удивительная острота его зрения могла бы сослужить большую службу! Но упрямый канадец из двенадцати часов предпочитал восемь проводить в своей каюте за книжкой или просто валяться на койке. Сотни раз я упрекал его в равнодушии.

– Ба, господин профессор! – отвечал он. – Да если б эта

тварь и существовала, много ли у нас шансов выследить ее? Ведь мы гоняемся за зверем наудачу, не так ли? Говорят, что видели это пресловутое животное в северных водах Тихого океана? Положим. Так ведь с той поры прошло два месяца, а судя по нраву вашего нарвала, он не любит киснуть на месте! Вы ж сами говорите: «Одарено, мол, необыкновенной быстротой движения!» А вы знаете лучше меня, господин профессор, что природа ничего не создает без цели. И она не одарила бы животное, ленивое по натуре, резвостью движений. А стало быть, если наше животное и существует, оно уже далеко отсюда!

Все это так! Мы шли наудачу. Но что было делать? Шансы на встречу с нарвалом все уменьшались. И все же никто не сомневался в успехе, и ни один матрос не стал бы биться об заклад насчет факта существования животного и скорой встречи с ним.

Двадцатого июля мы вторично пересекли тропик Козерога под 105° долготы, а двадцать седьмого числа того же месяца перевалили за экватор на сто десятом меридиане. Отсюда фрегат взял курс на запад, к центральному бассейну Тихого океана. Капитан Фарагут весьма резонно рассудил, что нарвала можно скорее встретить в глубоководных зонах, вдали от материков и крупных островов, приближаться к которым животное избегало потому, видимо, что «прибрежные воды для него мелки», как объяснял нам боцман.

Фрегат прошел в виду островов Паумоту, Маркизских,

Сандвичевых, пересек тропик Рака под 132° долготы и направился в Китайские моря.

Наконец-то мы были на театре последних подвигов чудовища! И, сказать правду, вся жизнь на судне замерла. Сердца у всех учащенно бились, и, конечно, для большинства из нас сердечные заболевания были обеспечены. Все были возбуждены до крайности. Люди не ели, не спали. Раз двадцать в день какая-нибудь ошибка в вычислении, обман зрения какого-нибудь матроса, взбравшегося на кабестан, приводили нас в волнение. Нервы наши находились в состоянии крайнего возбуждения, что грозило вызвать скорую реакцию.

И реакция не замедлила наступить. Три месяца – целых три месяца, когда каждый день казался вечностью, – «Авраам Линкольн» бороздил моря северной части Тихого океана в погоне за встречными китами, круто меняя курс, ложась с галса на галс, то резко замедляя ход, то разводя пары с риском вывести машину из строя. Не осталось неисследованной ни одной точки от берегов Японии до американских берегов. Но все тщетно! Пустынны были океанские воды! Ни признака гигантского нарвала, ни признака какого-либо подводного острова или плавающего рифа, ни призрака потонувшего судна, блуждающего в здешних водах, – словом, никакой фантастики!

Наступила реакция. Уныние вызвало упадок духа, открыло дорогу неверию. Возбуждению, царившему на борту, заступило другое чувство: на одну треть это было чувство сты-

да, на две трети – чувство злобы. «Остаться в дураках», гоняясь за химерой, – вот что особенно злило! Ворох доказательств, нагроможденных в течение года, рухнул, и каждый спешил наверстать даром потраченные часы сна и отдыха!

С непостоянством, свойственным людям, команда из одной крайности бросалась в другую. Самые горячие сторонники экспедиции, к несчастью, стали самыми яростными противниками ее. Упадочное настроение охватило весь корабль, начиная от кубрика до кают-компаний, и если б не удивительное упорство капитана Фарагута, фрегат, несомненно, поворотил бы носом к югу.

Напрасные поиски не могли, однако ж, продолжаться бесконечно. Экипажу «Авраама Линкольна» не приходилось винить себя за неудачу, он сделал все, что только от него зависело. Никогда еще матросы американского флота не выказывали такого терпения и усердия. Они были неповинны, что экспедиция не имела успеха. Оставалось скорее вернуться на родину.

Заявление в этом духе было сделано капитану. Капитан стоял на своем. Матросы не скрывали своего недовольства, и дисциплина на судне упала. Я не хочу сказать, что на борту начался бунт, но все же после непродолжительного сопротивления капитан Фарагут, как некогда Колумб, вынужден был просить три дня отсрочки. Если в течение трех дней чудовище не будет обнаружено, рулевой положит руль на борт, и «Авраам Линкольн» направит свой бег в сторону европей-

ских морей.

Обещание было дано 2 ноября. Настроение команды сразу поднялось. С новой энергией люди всматривались в океанские воды. Каждый хотел бросить последний взгляд на море в надежде на успех. Зрительные трубы снова пошли в ход. Это был последний торжественный вызов гиганту нарвалу, и чудовище не имело причины уклониться от требования «предстать перед судом»!

Два дня истекли. «Авраам Линкольн» шел под малыми парами. Команда придумывала тысячу способов, чтобы привлечь внимание животного или «расшевелить» его, в случае если оно находится в здешних водах. Огромные куски сала, привязанные к веревкам, волочились за кормой – кстати сказать, к великому удовольствию акул! «Авраам Линкольн» лежал в дрейфе, а вокруг него шлюпки бороздили море во всех направлениях, не оставляя без внимания ни одной точки на его поверхности. Наступил вечер 4 ноября, а подводная тайна так и оставалась тайной!

В полдень 5 ноября истекал указанный срок. С последним ударом часов капитан Фарагут, верный своему слову, должен был отдать приказание повернуть на юго-восток и покинуть воды северной части Тихого океана.

Фрегат находился тогда под $31^{\circ}15'$ северной широты и $136^{\circ}42'$ восточной долготы. Японские берега оставались менее чем в двухстах милях под ветром. Ночь наступала. Пробыло восемь часов. Густые облака заволокли серп луны,

вступившей в свою первую четверть. Легкими волнами разбегалась вода из-под форштевня фрегата.

Я стоял на баке, опершись на поручни штирборта. Консель, находившийся рядом, смотрел прямо перед собой. Матросы, взобравшись на ванты, наблюдали за горизонтом, который все суживался из-за сгущающейся темноты. Офицеры, приставив к глазам бинокли, обшаривали воды, окутанные предвечерней мглой. Порой лунный луч, прорвавшись в просветы облаков, бросал серебряные блики на темную поверхность океана. Но находили тучи, и серебряный след гас во мраке.

Глядя на Конселя, я решил, что впервые за все это время он поддался общему настроению. Так по крайней мере мне показалось. Возможно, что впервые в жизни нервы его напряглись под влиянием любопытства.

– Ну-с, Консель, – сказал я, – последний раз представляется случай заработать две тысячи долларов!

– С позволения господина профессора, скажу, – отвечал Консель, – что я никогда не рассчитывал на эту премию. И если бы правительство Соединенных Штатов пообещало не две тысячи долларов, а сто, оно не потеряло бы ни копейки!

– Ты прав, Консель, дурацкая затея! И мы поступили легкомысленно, впутавшись в это дело. Сколько времени потеряно даром! Сколько напрасных волнений! Еще шесть месяцев назад мы могли бы вернуться во Францию...

– В квартирку господина профессора, – заметил Кон-

сель, – в Парижском музее! И я бы уже классифицировал ископаемых из коллекции господина профессора! Бабирус-са, вывезенная господином профессором, сидела бы теперь в клетке в Ботаническом саду и привлекала к себе любопытных со всех концов столицы.

– Все это так и было бы, Консель! И воображаю, как над нами будут смеяться!

– Уж действительно! – отвечал спокойно Консель. – Я думаю, что будут смеяться над господином профессором. Не знаю, говорить ли...

– Говори, Консель.

– ...и господин профессор заслужил насмешки.

– Помилуй!

– Когда имеешь честь быть ученым, как господин профессор, не следует пускаться...

Консель не окончил своей любезности. Глубокую тишину нарушил громкий возглас. Это был голос Неда Ленда.

Нед Ленд кричал:

– Ого-го! Наша-то штука под ветром, перед самым нашим носом!

Глава шестая

Под всеми парами

Весь экипаж кинулся к гарпунеру: капитан, офицеры, матросы, юнги, даже механики, бросившие свои машины, даже кочегары, покинувшие свои топки. Был отдан приказ остановить судно, и фрегат шел лишь в силу инерции.

Ночь была темная, и я удивился, как мог канадец, при всей своей зоркости, что-нибудь увидеть в таком мраке. Сердце у меня так билось, что готово было разорваться.

Но Нед Ленд не ошибся. И вскоре мы все увидели предмет, на который он указывал.

В двух кабельтовых от «Авраама Линкольна», за штирбортом, море, казалось, было освещено изнутри. Это не было обычным явлением свечения моря. Чудовище, всплыв в поверхностные водные слои, отдыхало в нескольких туазах⁷ под уровнем океана, и от него исходил этот яркий, необъяснимой силы свет, о котором упоминали в своих донесениях многие капитаны. Какой необычайной мощностью должны обладать светящиеся органы живого организма, излучавшие столь великолепное сияние! Светящийся предмет имел контуры огромного, удлиненной формы, овала, в центре которого, как в фокусе, свет был особенно ярок, по мере

⁷ Туаз равен 1,949 метра.

же приближения к краям ослабевал.

– Да это просто скопление фосфоресцирующих организмов! – воскликнул один из офицеров.

– Вы ошибаетесь, сударь, – возразил я решительно. – Никогда фолადы или салпы не выделяют столь светящееся вещество. Это свет электрического происхождения... Впрочем, посмотрите, посмотрите-ка! Свет перемещается! То приближается, то удаляется. Теперь он направляется на нас!

На палубе поднялся крик.

– Смирно! – скомандовал капитан Фарагут. – Руль под ветер! Задний ход!

Все кинулись по своим местам: кто к рулю, кто в машинное отделение. И «Авраам Линкольн», развернувшись на бакборт, описал полукруг.

– Право руля! Ход вперед! – командовал капитан Фарагут.

Фрегат забрал большой ход и стал удаляться от светящейся точки.

Я ошибся. Фрегат хотел только удалиться, но сверхъестественное животное погналось за ним со скоростью, превышавшей скорость его хода.

Мы затаили дыхание. Пожалуй, даже не страх, а удивление приковало нас к месту. Животное гналось за нами, как бы играя. Оно сделало оборот вокруг судна, которое шло со скоростью четырнадцати узлов, обдав его каскадом электрических лучей, словно светящейся пылью, и мгновенно оказалось на расстоянии двух или трех миль от нас, оставив за со-

бой в море фосфоресцирующий след, напоминавший клубы дыма, которые выбрасывает локомотив курьерского поезда. И вдруг из-за темной линии горизонта, куда оно отступило, чтобы взять разбег, чудовище ринулось на «Авраама Линкольна» с устрашающей быстротой и, круто оборвав свой бег в двадцати футах от борта, погасло. Нет! Оно не ушло под воду, иначе яркость его свечения уменьшалась бы постепенно, — оно погасло сразу, словно источник этого светового потока мгновенно иссяк. И сразу же появилось по другую сторону судна, не то обойдя его, не то проскользнув под его корпусом. Каждую секунду могло произойти роковое столкновение.

Маневры фрегата меня удивляли. Корабль спасался бегством, а не вступал в бой. Фрегату надлежало преследовать морское чудовище, а тут чудовище преследовало фрегат! Я обратил на это внимание капитана Фарагута. В эту минуту на его бесстрастном лице было написано крайнее недоумение.

— Господин Аронакс, — сказал он в ответ, — я не знаю, с каким грозным зверем имею дело, и не хочу рисковать своим фрегатом в ночной тьме. И как прикажете атаковать неизвестное животное? Как от него защищаться? Подождем расвета, тогда роли переменятся.

— Вы, стало быть, не сомневаетесь уже в природе этого явления, капитан?

— Видите ли, сударь, по всей вероятности, это гигантский нарвал, притом электрический нарвал!

– Пожалуй, – сказал я, – он так же опасен, как гимнот или электрический скат.

– Ну а если у этого зверя еще и органы электрические, то это поистине самое страшное животное, когда-либо созданное рукой творца! – ответил капитан. – Поэтому, сударь, я принимаю все меры предосторожности.

Экипаж фрегата был на ногах всю ночь. Никто глаз не сомкнул. «Авраам Линкольн», оказавшись не в состоянии состязаться в скорости с морским животным, умерил ход и шел под малыми парами. Нарвал, подражая фрегату, лениво покачивался на волнах и, казалось, не обнаруживал желания покинуть поле битвы.

Около полуночи он все же исчез, или, говоря точнее, «угас», как гигантский светлячок. Не скрылось ли животное в морские глубины? Мы не смели на это надеяться. Был примерно час ночи, когда вдруг послышался оглушительный свист. Казалось, где-то поблизости, вырвавшись из океанских пучин, забил мощный фонтан.

Капитан Фарагут, Нед Ленд и я стояли в этот момент на юте и с жадностью всматривались в ночной мрак.

– А часто ли вам, Нед Ленд, приходилось слышать, как киты выбрасывают воду? – спросил капитан.

– Частенько, сударь! Но ни разу не доводилось встречать кита, один вид которого принес бы мне две тысячи долларов.

– В самом деле, вы заслужили премию. Ну а скажите мне, когда кит выбрасывает воду из носовых отверстий, он про-

изводит такой же шипящий свист?

– Точь-в-точь! Но только шуму побольше. Ошибки быть не может. Ясно, что к нам пришвартовалось китообразное, которое водится в здешних водах. С вашего позволения, сударь, – прибавил гарпунер, – на рассвете я скажу ему пару теплых слов!

– Если он будет в настроении вас выслушать, мистер Ленд, – заметил я с некоторым сомнением.

– Когда я подберусь к нему на расстояние четырехкратной длины гарпуна, – возразил канадец, – так придется выслушать!

– Но ведь для этого я должен дать вам вельбот? – спросил капитан.

– Само собой.

– И рисковать жизнью гребцов?

– И моей! – просто сказал гарпунер.

Около двух часов ночи, под ветром, в пяти милях от «Авраама Линкольна», опять появился столь же интенсивно светящийся предмет. Несмотря на расстояние, несмотря на шум ветра и моря, явственно слышался могучий всплеск хвостом и астматическое дыхание животного. Казалось, что воздух, подобно пару в цилиндрах машины в две тысячи лошадиных сил, врывается в легкие этого гиганта моря, когда он, всплыв на поверхность океана, переводил дыхание.

«Ну, – подумал я, – хорош кит, который может помериться силами с целым кавалерийским полком!»

До рассвета мы были настороже и готовились к бою. Китоловные сети были положены по бортам судна. Помощник капитана приказал приготовить мушкетоны, выбрасывающие гарпун на расстояние целой мили, и держать наготове ружья, заряженные разрывными пулями, которые бьют наповал даже самых крупных животных. Нед Ленд ограничился тем, что наточил свой гарпун – орудие смертоносное в его руках.

В шесть часов начало светать, и с первыми лучами утренней зари померкло электрическое сияние нарвала. В семь часов почти совсем рассвело; но густой утренний туман застилал горизонт, и в самые лучшие зрительные трубы ничего нельзя было разглядеть. Каково было наше разочарование и гнев, можно себе представить!

Я взобрался на бизань-мачту. Несколько офицеров влезли на марсовые площадки.

В восемь часов густые клубы тумана поплыли над волнами и медленно начали подниматься вверх. Линия горизонта расширилась и прояснилась.

Неожиданно, как и накануне, послышался голос Неда Ленда.

– Глядите-ка! Эта штука с левого борта, за кормой! – кричал гарпунер.

Все взгляды устремились в указанном направлении.

Там, в полутора милях от фрегата, виднелось какое-то длинное темное тело, выступавшее примерно на метр над поверхностью воды. Волны пенились под мощными удара-

ми его хвоста. Никогда еще не доводилось наблюдать, чтобы хвостовой плавник разбивал волны с такой силой! Ослепляющий своей белизной след, описывая дугу, отмечал путь животного.

Фрегат приблизился к китообразному животному. Я стал внимательно вглядываться в него. Донесения «Шанона» и «Гельвеции» несколько преувеличили его размеры. По-моему, длина животного не превышала двухсот пятидесяти футов. Что касается толщины, то ее трудно было определить; все же у меня создалось впечатление, что животное удивительно пропорционально во всех трех измерениях.

В то время как я наблюдал за этим диковинным существом, из его носовых отверстий вырвались два водяных столба, которые рассыпались серебряными брызгами на высоте сорока метров. Теперь у меня было некоторое представление о том, как нарвал дышит. И я пришел к выводу, что животное принадлежит к подтипу позвоночных, к классу млекопитающих, отряду китообразных, семейству... Вот этого я еще не решил. Отряд китообразных включает в себя китов, кашалотов и дельфинов; к последним причисляются и нарвалы. Каждое семейство подразделяется на роды, роды на виды, виды... Я не мог еще определить, к какому роду и виду относится животное; но я не сомневался, что пополнил пробел в классификации с помощью неба и капитана Фарагута.

Команда с нетерпением ожидала приказаний начальника.

Капитан некоторое время внимательно наблюдал за животным, затем приказал позвать старшего механика. Тот явился.

– Пары разведены? – спросил капитан.

– Точно так! – ответил механик.

– Так-с! Усилить давление! Дать полный ход!

Троекратное «ура» грянуло в ответ на приказ. Час боя настал. Спустя несколько секунд из двух труб фрегата повалили клубы черного дыма, палуба сотрясалась от клокотания пара в котлах, работавших под высоким давлением.

Мощный винт заработал, и «Авраам Линкольн» под всеми парами устремился к животному. Животное подпустило к себе корабль на расстояние полукабельтова. Затем поплыло не спеша, держась на почтительном расстоянии.

По крайней мере три четверти часа продолжалась погоня, но фрегат не выиграл и двух туазов. Было очевидно, что при такой скорости животного не достигнуть.

Капитан Фарагут в ярости теребил свою густую черную бороду.

– Нед Ленд! – крикнул он.

Канадец подошел.

– Ну-с, мистер Ленд, – сказал капитан, – не пора ли спустить шлюпки?

– Придется повременить, сударь, – отвечал Нед Ленд. – Покуда эта тварь сама не пожелает даться в руки, ее не возьмешь!

– Что же делать?

– Поднять давление пара, если это возможно, сударь. Я же, с вашего позволения, помещусь на бушприте и, как только мы подойдем поближе, ударю по этой твари гарпуном.

– Ступайте, Нед, – ответил капитан Фарагут. – Увеличить давление пара! – скомандовал он механикам.

Нед Ленд занял свой пост. Заработали топки, и винт стал давать сорок три оборота в минуту; пар клубами вырывался наружу через клапаны. Брошенный в воду лаг показал, что «Авраам Линкольн» делает восемнадцать с половиной миль в час.

Но и проклятое животное плыло со скоростью восемнадцати с половиной миль в час!

В течение часа фрегат шел на такой скорости, не выигрывая ни одного туаза! Как это было унижительно для одного из самых быстроходных судов американского флота! Команда приходила в бешенство. Матросы проклинали морское чудовище, но оно и в ус не дуло! Капитан Фарагут уже не тербил свою бородку, а кусал ее.

Снова был призван старший механик.

– Давление доведено до предела? – спросил капитан.

– Точно так, капитан, – отвечал тот.

– Сколько атмосфер?

– Шесть с половиной.

– Доведите до десяти.

Поистине американский приказ! Капитан парохода ка-

кой-нибудь частной компании на Миссисипи, в стремлении обогнать «конкурента», не мог бы поступить лучше!

– Консель, – сказал я моему верному слуге, – мы, как видно, взлетим в воздух!

– Как будет угодно господину профессору! – отвечал Консель.

Признаюсь, отвага капитана была мне по душе.

Предохранительные клапаны были зажаты. Снова засыпали уголь на колосники. Вентиляторы нагнетали воздух в топки. «Авраам Линкольн» рвался вперед. Мачты сотрясались до самого степса, и вихри дыма с трудом прорывались наружу сквозь узкие отверстия труб.

Вторично бросили лаг.

– Сколько хода? – спросил капитан Фарагут.

– Девятнадцать и три десятых мили, капитан.

– Поднять давление!

Старший механик повиновался. Манометр показывал десять атмосфер. Но и чудовище шло «под всеми парами», делая без заметного усилия по девятнадцати и три десятых мили в час.

Какая гонка! Не могу описать своего волнения. Я дрожал всеми фибрами своего существа! Нед Ленд стоял на посту с гарпуном в руке. Несколько раз животное подпускало фрегат на близкое расстояние к себе.

– Настигаем! Настигаем! – кричал канадец.

Но в тот момент, когда он готовился метнуть гарпун, жи-

вотное спасалось бегством, развивая скорость не менее тридцати миль в час. И в то время как мы шли с максимальной скоростью, животное, словно издеваясь над нами, описало вокруг нас большой круг! У всех нас вырвался крик бешенства.

В полдень нас отделяло от животного такое же расстояние, как и в восемь часов утра.

Капитан Фарагут решил наконец прибегнуть к более крутым мерам.

– А-а! – сказал он. – От «Авраама Линкольна» животное ускользает! Посмотрим, ускользнет ли оно от конических бомб! Боцман! Людей к носовому оружию!

Орудие на баке немедленно зарядили и навели. Раздался выстрел, но снаряд пролетел несколькими футами выше животного, которое находилось на расстоянии полумили от фрегата.

– Наводчика половчее! – скомандовал капитан. – Пятьсот долларов тому, кто пристрелит это исчадие ада!

Старый канонир с седой бородой – я как сейчас вижу его спокойный взгляд и бесстрастное лицо – подошел к оружию, тщательно навел его и долго прицеливался.

Не успел отзвучать выстрел, как раздалось многоголосое «ура!».

Снаряд попал в цель. Но удивительное дело! Скользнув по спине животного, выступавшей из воды, ядро, отлетев мили на две, упало в море.

– Ах чтоб тебя! – вскрикнул взбешенный старик. – Да этот гад в броне из шестидюймового железа!

– Проклятие! – вскричал капитан Фарагут.

Охота возобновилась; и капитан, наклоняясь ко мне, сказал:

– Покуда фрегат не взлетит в воздух, я буду охотиться за этим зверем!

– Вы правильно поступите! – ответил я.

Можно было надеяться, что животное встанет, не выдержав состязания с паровой машиной. Ничуть не бывало! Часы истекали, а оно не выказывало ни малейшего признака утомления.

К чести «Авраама Линкольна» надо сказать, он охотился за зверем с неслыханным упорством. Я думаю, что он сделал по меньшей мере пятьсот километров в этот злополучный день 6 ноября! Но наступила ночь и окутала мраком волнующийся океан.

В ту минуту мне казалось, что наша экспедиция окончена и мы никогда более не увидим фантастическое животное. Я ошибался.

В десять часов пятьдесят минут вечера снова вспыхнул электрический свет в трех милях под ветром от фрегата – столь же ясный, яркий, как и в прошлую ночь.

Нарвал лежал неподвижно. Быть может, утомившись за день, он спал, покачиваясь на волнах? Капитан Фарагут решил воспользоваться благоприятным моментом.

Он отдал нужные приказания. «Авраам Линкольн» взял малый ход, чтобы не разбудить своего противника. Встретить в открытом океане спящего кита вовсе не редкость, и сам Нед Ленд загарпунил не одного из них именно во время сна. Канадец снова занял свой пост на бушприте.

Фрегат бесшумно приблизился на два кабельтовых к животному. Тут машина была остановлена, и судно шло по инерции. На борту воцарилась тишина. Все затаили дыхание. Мы были всего в сотне футов от светящегося пространства. Сила свечения еще увеличилась и буквально слепила глаза.

Я стоял на баке, опершись о борт, и видел, как внизу, на бушприте, Нед Ленд, уцепившись одной рукой за мартинштаг, потрясал своим страшным орудием. Всего двадцать футов отделяло его от животного.

Вдруг рука Неда Ленда поднялась широким взмахом, и гарпун взвился в воздухе. Послышался звон, как при ударе по металлу.

Электрическое излучение угасло мгновенно, и два гигантских водяных столба обрушились на палубу фрегата, сбивая с ног людей, ломая фальшборты.

Раздался страшный треск, и, не успев схватиться за поручни, я вылетел за борт.

Глава седьмая

Кит неизвестного вида

Неожиданно упав в воду, я был ошеломлен, но сознание не потерял.

Меня сразу же увлекло на глубину около двадцати футов. Я хорошо плаваю; и хотя не притязаю состязаться с такими пловцами, как Байрон и Эдгар По, но, очутившись в воде, я не растерялся. Двумя сильными взмахами я всплыл на поверхность океана.

Я стал искать глазами фрегат. Заметили ли там мое исчезновение? Повернул ли «Авраам Линкольн» на другой галс? Догадался ли капитан Фарагут послать в поисках меня шлюпку? Есть ли надежда на спасение?

Мрак был полный. Я едва различил вдали какую-то темную массу, которая, судя по огням, постепенно угасавшим, удалялась на восток. Это был фрегат. Я погиб.

– На помощь! На помощь! – закричал я, пытаюсь что было силы плыть вслед «Аврааму Линкольну».

Одежда стесняла меня. Намокнув, она прилипала к телу, затрудняла движения. Я шел ко дну! Я задыхался!..

– На помощь!

Я крикнул в последний раз. Захлестнуло рот водой. Я стал биться, но бездна втягивала меня...

Вдруг чья-то сильная рука схватила меня за ворот и од-

ним рывком вытащила на поверхность воды. И я услышал, да, услышал, как у самого моего уха кто-то сказал:

– Если сударь изволит опереться на мое плечо, ему будет легче плыть.

Я схватил за руку верного Конселя.

– Это ты! – вскричал я. – Ты!

– Я, – отвечал Консель, – и в полном распоряжении господина профессора.

– Ты упал в воду вместе со мной?

– Никак нет. Но, состоя на службе у господина профессора, последовал за ним.

И он находил свой поступок естественным!

– А фрегат?

– Фрегат! – отвечал Консель, ложась на спину. – Не посоветовал бы я господину профессору рассчитывать на него!

– Что ты говоришь?

– А то, что, когда я прыгнул в море, вахтенный крикнул: «Гребной винт сломан!»

– Сломан?

– Да! Чудовище пробило его своим бивнем. Полагаю, что «Авраам Линкольн» отделался небольшой аварией. Но для нас это плачевная история. Фрегат потерял управление!

– Значит, мы погибли!

– Все может быть, – спокойно ответил Консель. – Впрочем, еще несколько часов в нашем распоряжении; а за несколько часов может многое случиться!

Хладнокровие невозмутимого Конселья ободрило меня. Я поплыл сколько хватало сил; но промокшая одежда сдавливала меня, как свинцовая оковка, и я с трудом держался на воде. Консель это заметил.

– Не позволит ли сударь разрезать на нем платье? – сказал он.

Вынув нож, Консель вспорол на мне одежду сверху донизу, и пока я его поддерживал на воде, он сдернул ее с меня.

Я, в свою очередь, оказал такую же услугу Конселью. И мы, держась друг возле друга, продолжали наше «плавание».

Все же положение не стало менее ужасным. Нашего исчезновения, возможно, и не заметили. А если бы и заметили, фрегат, потерявший управление, все равно в поисках нас не мог пойти против ветра. Рассчитывать можно было только на шлюпки.

Консель хладнокровно обсуждал все возможности нашего спасения и составил план действий. Удивительная натура! Флегматичный малый чувствовал себя тут как дома!

Итак, единственная надежда была на шлюпки «Авраама Линкольна». Стало быть, нам необходимо было как можно дольше продержаться на воде.

Экономя свои силы, мы решили действовать таким образом: в то время как один из нас, скрестив руки и вытянув ноги, будет отдыхать, лежа на спине, другой будет плыть, подталкивая вперед собой отдыхающего. Мы сменяли друг друга каждые десять минут. Чередуясь таким образом, мы на-

деялись удержаться на поверхности воды несколько часов, а может быть, и до рассвета!

Слабая надежда! Но человек так уж создан, что никогда не теряет надежды. И все же нас было двое.

Но если б я, как это ни парадоксально, и утратил всякие иллюзии, если б в минуту слабости и готов был сдаться без борьбы, — *я не мог бы* этого сделать!

Столкновение фрегата с нарвалом произошло около одиннадцати часов вечера. Стало быть, до рассвета оставалось почти восемь часов. Задача вполне выполнимая при условии чередования. Море было спокойное, плавание почти не утомляло нас. Время от времени я вглядывался в густой мрак, нарушаемый лишь фосфорическим свечением воды, встревоженной взмахами наших рук. Я смотрел на светящиеся волны, которые, разбиваясь о мою руку, разбегались по широкому водному полю, испещренному свинцовыми бликами. Мы словно плыли в море ртути.

Около часу ночи меня внезапно охватила крайняя усталость. Руки и ноги сводило судорогой. Консель должен был поддерживать меня, и забота о нашем спасении пала на его долю. Вскоре я услышал его прерывистое и тяжелое дыхание. Консель задыхался, и я понял, что долго он не выдержит.

– Оставь меня! Оставь! – говорил я.

– Оставить господина профессора? Ни за что! – отвечал он. – Я надеюсь утонуть первым.

В эту минуту луна выглянула из-за черной тучи, которую

ветер гнал на юг. Поверхность океана заискрилась при лунном свете. Благодетельное сияние луны придало нам сил. Я поднял голову. Окинул взглядом горизонт. Вдали, на расстоянии пяти миль от нас, едва вырисовывался темный силуэт фрегата. Но ни одной шлюпки в виду!

Я хотел крикнуть. Но разве услышат мой голос на таком расстоянии! К тому же я не мог разомкнуть распухших губ. Консель собрался с силами и крикнул:

– На помощь! На помощь!

Остановившись на секунду, мы прислушались. Что это? Шум в ушах от прилива крови к голове? Или мне почудилось, что на крик Конселя ответили криком?

– Ты слышал? – прошептал я.

– Слышал!

И Консель опять отчаянно закричал.

Ошибиться было нельзя! Человеческий голос ответил на вопль Конселя! Был ли это голос такого же несчастного, как и мы, выброшенного в океанские пучины, такой же жертвы катастрофы, постигшей корабль? А не подают ли нам сигналы со шлюпки, невидимой во мраке ночи?

Консель, собрав последние силы и опершись на мое плечо, сведенное судорогой, высунулся наполовину из воды, но тут же упал обессиленный.

– Что ты видел?

– Я видел, – прошептал он, – я видел... помолчим лучше... побережем наши силы!

Что же он увидел? И вдруг мысль о морском чудовище впервые пришла мне в голову. Не увидел ли он морское чудовище?... Ну а человеческий голос?

Прошли те времена, когда Ионы укрывались в чреве китов!

Консель из последних сил подталкивал меня перед собой. Порой он приподнимал голову и, глядя вдаль, кричал. На его крик отвечал голос, который становился все слышнее, словно бы приближаясь к нам.

Но слух отказывался мне служить. Силы мои иссякли, пальцы немели, плечо становилось ненадежной опорой, я не мог закрыть рта, сведенного в судорожной спазме. Я захлебывался соленой водой. Холод пронизывал меня до самых костей. Я в последний раз поднял голову и пошел ко дну...

И тут я натолкнулся на какое-то твердое тело. Я задержался на нем. Почувствовал, что меня выносит на поверхность воды, что дышать становится легче... я потерял сознание...

По-видимому, я скоро пришел в себя благодаря энергичному растиранию всего тела. Открыл глаза...

– Консель! – прошептал я.

– Сударь изволил звать меня? – отозвался Консель.

И при свете заходящей луны передо мной мелькнуло и другое лицо, которое я сразу же узнал.

– Нед! – вскрикнул я.

– Он самый, сударь! Как видите, все еще гоняюсь за премией! – отвечал канадец.

– Вас сбросило в воду при сотрясении фрегата?

– Так точно! Но мне повезло больше, чем вам. Я почти сразу же высадился на плавучий островок.

– На островок?

– Точнее сказать, оседлал нашего гигантского нарвала!

– Не понимаю вас, Нед, – сказал я.

– Видите ли, я сразу же смекнул, почему мой гарпун не мог пробить шкуру чудовища, а только скользнул по поверхности.

– Почему, Нед? Почему?

– А потому что это животное, господин профессор, заковано в стальную броню!

Ко мне внезапно вернулась способность мыслить, оживилась память, я пришел в себя.

Слова канадца окончательно отрезвили меня. Несколько оправившись от потрясения, я вскарабкался на спину этого неуязвимого существа или предмета. Я попробовал ударить по нему ногой. Тело было явно твердое, неподатливое, непохожее на мягкую массу тела крупных морских млекопитающих!

Но это могло быть костным панцирем, подобно сплошной костяной крышке черепа допотопных животных. А если так, то мне пришлось бы отнести чудовище к допотопным пресмыкающимся типа черепах или крокодилов.

Но нет! Отливающая черным глянцем спина, на которой я стоял, была гладкой, отполированной, а не чешуйчатой. При

ударе она издавала металлический звук и, как это ни удивительно, была склепана из листового железа.

Сомнения не было! То, что принимали за животное, за чудовище, за необычайное явление природы, поставившее в тупик весь ученый мир, взволновавшее воображение моряков обоих полушарий, оказалось еще более чудесным явлением: созданием рук человеческих!

Доведись мне установить существование самого фантастического полумифического животного, я не был бы удивлен до такой степени. В том, что природа творит чудеса, нет ничего удивительного, но увидеть своими глазами нечто чудесное, сверхъестественное и притом созданное человеческим гением, — тут есть над чем задуматься!

Однако раздумывать долго не было времени. Мы лежали на поверхности невиданного подводного судна, напоминавшего собой, насколько я мог судить, огромную стальную рыбу. Мнение Неда Ленда на этот счет уже сложилось. Нам с Конселем приходилось только согласиться с ним.

— Если это и в самом деле судно, — сказал я, — то должны быть и машины, приводящие его в движение, и экипаж для управления им?

— Ну, как полагается! — отвечал гарпунер. — Но вот уже три часа, как я торчу на этом плавучем островке, а не заметил никаких признаков жизни.

— Что ж, судно движется?

— Нет, господин Аронакс! Покачивается себе на волнах, а

с места не трогается.

– Ну, мы-то знаем как нельзя лучше, какова быстроходность этого судна! Чтобы развить такую скорость, нужны машины, а чтобы управлять машинами, нужны механики, из чего я заключаю, что... мы спасены!

– Гм! – с сомнением произнес Нед.

В этот момент, словно в подтверждение моих слов, за кормой этого фантастического судна послышалось какое-то шипение. Видимо, пришли в движение лопасти гребного винта, и судно дало ход. Мы едва успели схватиться за небольшое возвышение в носовой части, выступавшее из воды сантиметров на восемьдесят. К счастью, судно шло на умеренной скорости.

– Покуда этот поплавок держится на поверхности, – ворчал Нед Ленд, – мне нечего возразить. Но ежели ему придет фантазия нырнуть, я не дам и двух долларов за свою шкуру!

Канадец мог бы дать за нее и того меньше. Надо было безотлагательно вступать в переговоры с людьми, заключенными в этот плавучий механизм. Я стал ощупывать поверхность, отыскивая какой-нибудь люк, отверстие, какую-нибудь «горловину», говоря техническим языком; но ряды заклепок, плотно пригнанных к краям стальной обшивки, не оставляли пустого места.

Луна зашла за горизонт, и мы оказались в полнейшей темноте. Нужно было ожидать рассвета, чтобы попытаться проникнуть внутрь подводного судна.

Итак, наша жизнь всецело зависела от прихоти таинственных кормчих, управлявших судном! Вздумай они пойти под воду, и мы погибли! В противном случае я не сомневался в возможности войти с ними в сношение. И в самом деле, если только они не вырабатывали кислород химическим способом, им приходилось время от времени всплывать на поверхность океана, чтобы возобновить запасы чистого воздуха! А стало быть, имелось какое-то отверстие, через которое воздух поступает внутрь судна.

Тщетны были надежды на помощь капитана Фарагута! Мы шли на запад с умеренной скоростью, не более, я думаю, двенадцати миль в час. Лопасти винта разрезали воду с математической равномерностью, выбрасывая время от времени в воздух целые снопы фосфоресцирующих брызг.

Около четырех часов утра скорость хода возросла. Мы с трудом удерживались на полированной поверхности судна, с головокружительной быстротой рассекавшего океанские волны, которые неистово хлестали нас со всех сторон. Хорошо, что Нед нащупал якорное кольцо, вделанное в стальную обшивку! Мы поспешили покрепче за него ухватиться.

Истекла и эта долгая ночь.

Мне трудно восстановить в памяти все, что было пережито мной в ту ночь! Помню, что порой, когда стихал шум ветра и грохот волн, издалека доносились беглые аккорды, обрывки мелодии. Что за таинственное подводное судно? Куда держит оно путь? Что за люди находятся в нем? Что за уди-

вительный механический двигатель позволяет ему развивать такую бешеную скорость?

Рассвело. Утренний туман окутал нас своей пеленой. Но и туман рассеялся. Я хотел уже приступить к тщательному осмотру верхней части корпуса, выступавшей из воды в виде горизонтальной плоскости, как вдруг почувствовал, что судно медленно погружается в воду.

– Эй вы, дьяволы! – закричал Нед Ленд, стуча ногами по гулкому металлу. – Отпирайте, да поживее! Горе-мореплаватели!

Но трудно было что-либо услышать из-за оглушительного шума гребного винта. К счастью, погружение в морские глубины приостановилось.

Изнутри судна послышался лязг отодвигаемых засовов. Поднялась крышка люка. Оттуда выглянул человек; он выкрикнул какое-то непонятное слово и мгновенно исчез.

Несколько минут спустя из люка вышли восемь дюжих молодцов с закрытыми лицами; и они молча повлекли нас внутрь своего грозного подводного корабля.

Глава восьмая

Mobilis in mobile

8

Столь бесцеремонное похищение свершилось с быстротой молнии. Мы буквально не успели опомниться. Не знаю, что чувствовали мои спутники, очутившись в плавучей тюрьме, но у меня мороз пробежал по коже. С кем мы имели дело? Несомненно, с пиратами новой формации, которые разбойничали на морях по вновь изобретенному ими способу.

Едва крышка узкого люка захлопнулась, я оказался в полной темноте. Глаза, привыкшие к дневному свету, отказывались служить в этом мраке. Я ощупью шел, ступая босыми ногами по ступенькам железной лестницы. Вслед за мной вели Неда Ленда и Конселя. Внизу лестницы находилась дверь, которая распахнулась и, пропустив нас, со звоном захлопнулась.

Мы остались одни. Куда мы попали? Что можно было сказать? Я представить себе не мог, где мы находимся. Все было погружено во мрак. Мрак был настолько полный, что даже спустя несколько минут нельзя было уловить ни малейшего проблеска света, мерцание которого чувствуется в самую

⁸ Подвижный в подвижном (*лат.*).

темную ночь.

Нед Ленд, взбешенный грубостью обращения, дал волю своему негодованию.

– Тысяча чертей! – кричал он. – Эти люди превзошли в гостеприимстве каледонских дикарей! Недостает только, чтобы они оказались людоедами. Меня это нисколько не удивит, но я заранее заявляю, что добровольно на съедение не отдамся!

– Полноте, друг Нед, полноте! – говорил невозмутимый Консель. – Не кипятитесь раньше времени. Мы еще не на сковороде!

– Не на сковороде, – отвечал канадец, – но в печке-то уж наверно! И тьма кремешная. К счастью, мой bowie-knife⁹ при мне, и не требуется много света, чтобы его пустить в ход! Пусть только хоть один бандит тронет меня...

– Не волнуйтесь, Нед, – сказал я гарпунеру, – и не ставьте нас в неприятное положение своей напрасной горячностью. Кто знает, не подслушивают ли нас? Попытаемся лучше выяснить, где мы находимся!

Я пошел ощупью. Пройдя шагов пять, я уперся в стену, обитую листовым железом. Двинувшись вдоль стены, я наткнулся на деревянный стол, возле которого стояло несколько скамеек. Пол нашей тюрьмы покрыт был толстой циновкой из формиума, заглушавшей шаги. На голых стенах не было и признака двери или окна. Консель, пустившись в об-

⁹ Нож с широким лезвием (англ.).

ход в другую сторону, столкнулся со мной, и мы оба вышли на середину камеры, имевшей в длину примерно футов двадцать, а в ширину футов десять. Что касается высоты, то Нед Ленд, несмотря на свой рост, не мог дотянуться рукой до потолка.

Прошло полчаса, а все оставалось по-прежнему. И вдруг наши глаза, привыкшие к полной темноте, ослепил яркий свет. Наша тюрьма внезапно осветилась. Свет был настолько ярок, что в первый момент я невольно зажмурил глаза. Я узнал этот беловатый слепящий свет, заливший в ту страшную ночь все пространство вокруг подводного корабля, свет, который мы принимали за великолепное явление флуоресценции морских организмов! Когда я открыл глаза, я увидел, что живительный свет исходил из электрической арматуры в виде полушария, вделанного в потолок кабины.

– Наконец-то стало светло! – вскричал Нед Ленд, стоявший в оборонительной позе, с ножом в руке.

– Да, но положение наше не прояснилось! – отвечал я.

– Пусть господин профессор запасется терпением, – сказал невозмутимый Консель.

При электрическом освещении можно было разглядеть кабину в мельчайших подробностях. Обстановка состояла из стола и пяти скамеек. Потайная дверь, видимо, закрывалась герметически. Ни единого звука извне не доносилось до наших ушей. Казалось, все умерло на этом судне. Плыли ли мы по поверхности океана? Погрузились ли в морские пучины?

Этого нельзя было угадать.

Но не напрасно же зажегся светоносный шар! У меня блеснула надежда, что кто-нибудь из экипажа судна не замедлит появиться. Если хотят забыть о людях, не освещают подземные темницы!

Я не обманулся в ожиданиях. Послышался лязг затворов, дверь открылась, вошли два человека.

Один был невысок ростом, мускулист, широкоплеч, с большой головой, всклокоченными черными волосами, уса-тый, остроглазый. Все его обличье южанина носило на себе отпечаток чисто французской живости, выдававшей в нем провансальца. Дидро справедливо сказал, что характер человека сказывается в его движениях, а этот крепыш мог служить тому живым доказательством. Чувствовалось, что язык его красочен, щедр на прибаутки, образные выражения, на своевольные обороты речи. Впрочем, я не мог в этом убедиться, потому что в нашем присутствии они изъяснялись на странном, неизвестном мне наречии.

Второй незнакомец заслуживает более подробного описания. Для ученика Грасиоле и Энгеля его лицо было открытой книгой. Я не колеблясь признал основные черты характера этого человека: уверенность в себе, о чем свидетельствовали благородная посадка головы, взгляд черных глаз, исполненный холодной решимости, спокойствие, ибо бледность его кожи говорила о хладнокровии, непреклонность воли, что выдавало быстрое сокращение надбровных мышц, — нако-

нец, мужество, ибо его глубокое дыхание изобличало большой запас жизненных сил.

Прибавлю, что это был человек гордый, взгляд его, твердый и спокойный, казалось, выражал возвышенность мысли; и во всем его облике, в осанке, движениях, в выражении его лица сказывалась, если верить наблюдениям физиономистов, прямота его натуры.

В его присутствии я невольно почувствовал себя в безопасности, и свидание с ним предвещало благополучное разрешение нашей участи.

Сколько было лет этому человеку? Ему можно было дать и тридцать пять и пятьдесят! Он был высокого роста; резко очерченный рот, великолепные зубы, рука, тонкая в кисти, с удлиненными пальцами, в высшей степени «психическая», заимствуя определение из словаря хиромантов, то есть характерная для натуры возвышенной и страстной, – все в нем было исполнено благородства. Словом, этот человек являл собой совершенный образец мужской красоты, какой мне не доводилось встречать. Вот еще примечательность его лица: глаза, широко расставленные, могли объять взглядом целую четверть горизонта! Эта способность – как я узнал позднее – сочеталась с остротой зрения, превосходившей зоркость Неда Ленда. Когда незнакомец устремлял на что-либо свой взгляд, брови его сдвигались; он прищуривал глаза, ограничивая поле зрения, и смотрел! Что за взгляд! Он пронизывал душу! Он проникал сквозь водные слои, непроницаемые для

наших глаз, вскрывал тайны морских глубин!..

Оба незнакомца были в беретах из меха морской выдры, обуты в высокие морские сапоги из тюленьей кожи. Одежда из какой-то особой ткани мягко облегла их стан, не стесняя свободы движений.

Высокий – по-видимому, командир судна – оглядел нас с величайшим вниманием, не произнося ни слова. Затем, обернувшись к своему спутнику, он заговорил на языке, о существовании которого я совершенно не подозревал. Это был благозвучный, гибкий, певучий язык с ударениями на гласных.

Тот кивнул головой и обронил два-три слова на том же языке. Потом он вопросительно посмотрел на меня.

Я ответил ясным французским языком, что не понимаю его вопроса. Но он, по-видимому, тоже не понял меня. Положение становилось довольно затруднительным.

– А все же пусть господин профессор расскажет нашу историю, – сказал мне Консель. – Авось эти господа поймут хоть кое-что!

Я стал рассказывать о наших приключениях, отчетливо, по слогам, выговаривая каждое слово, не упуская ни единой подробности. Я назвал наши имена, указал звание и, с соблюдением всех правил этикета, представился лично, в качестве профессора Аронакса. Затем представил своего слугу Конселя и гарпунера, мистера Неда Ленда.

Человек с прекрасными добрыми глазами слушал меня

спокойно, даже учтиво, и чрезвычайно внимательно, но я не мог прочесть на его лице, понял ли он хоть что-нибудь из моего рассказа. Я окончил повествование. Он не произнес ни слова.

Оставалась возможность объясниться с ними по-английски. Может быть, они говорят на языке, который стал почти общепринятым. Я бегло читал и по-английски и по-немецки, но свободно изъясняться не мог. А тут требовалась прежде всего ясность изложения.

– Ну-с, теперь ваш черед, – сказал я гарпунеру. – Извольте-ка, мистер Ленд, тряхнуть стариной и вступить в переговоры, как подобает англосаксу, на чистейшем английском языке! Как знать, не повезет ли вам больше, чем мне.

Нед не заставил себя просить и повторил по-английски мой рассказ. Вернее, он передал его суть, но совершенно в другой форме. Канадец, увлекаемый своим темпераментом, говорил с большим воодушевлением. Он в резких выражениях протестовал против нашего заточения, совершенного в явное нарушение прав человека! Спрашивал, в силу какого закона нас держат на этом поплавке, ссылаясь на *habeas corpus*,¹⁰ грозил судебным преследованием тех, кто лишил нас свободы, бесновался, размахивал руками, кричал и в конце концов выразительным жестом дал понять, что мы умираем с голоду.

¹⁰ Начальные слова закона о неприкосновенности личности, принятого английским парламентом в 1679 году.

Это была сущая правда, но мы об этом почти забыли.

К своему величайшему удивлению, гарпунер, по-видимому, преуспел не более меня. Наши посетители и бровью не повели. Язык Фарадея, как и язык Араго, был для них непонятен.

Обескураженный неудачей, исчерпав все филологические ресурсы, я не знал, как нам быть дальше. Но тут Консель сказал:

– Если господин профессор позволит, я поговорю с ними по-немецки.

– Как, ты говоришь по-немецки? – вскричал я.

– Как всякий фламандец, с позволения господина профессора.

– Вот это мне нравится! Продолжай, дружище!

И Консель степенно рассказал в третий раз все перипетии нашей истории. Но, невзирая на изысканность оборотов и прекрасное произношение рассказчика, немецкий язык также не имел успеха.

Наконец, доведенный до крайности, я попытался восстановить в памяти свои юношеские познания и пустился излагать наши злоключения по-латыни. Цицерон зажал бы себе уши и выставил бы меня за дверь, но все же я довел рассказ до конца. Результат был столь же плачевный.

Последняя попытка тоже не имела успеха. Незнакомцы обменялись несколькими словами на каком-то непостижимом языке и ушли, не подав нам надежды каким-либо обод-

ряющим знаком, понятным во всех странах мира! Дверь за ними затворилась.

– Какая низость! – вскричал Нед Ленд, вспылив уже, наверное, в двадцатый раз. – Как! С ними говорят и по-французски, и по-английски, и по-немецки, и по-латыни, а каналы хоть бы из вежливости словом обмолвились!

– Успокойтесь, Нед, – сказал я кипятившемуся гарпунеру. – Криком делу не поможешь.

– Но вы сами посудите, господин профессор, – возразил наш раздражительный компаньон, – не околевать же нам с голоду в этой железной клетке!

– Ба! – заметил философски Консель. – Мы еще в силах продержаться порядочное время!

– Друзья мои, – сказал я, – не надо отчаиваться. Мы были в еще худшем положении. Не спешите, пожалуйста, составлять мнение насчет командира и экипажа этого судна.

– Мое мнение уже сложилось, – ответил Нед Ленд. – Отъявленные негодяи...

– Так-с! Из какой страны?

– Из страны негодяев!

– Любезный Нед, – сказал я, – страна сия еще недостаточно ясно обозначена на географической карте, и, признаюсь, трудно определить, какой национальности наши незнакомцы. Что они не англичане, не французы, не немцы – можно сказать с уверенностью. А все же мне кажется, что командир и его помощник родились под низкими широтами. У них

внешность южан. Но кто они? Испанцы, турки, арабы или индусы? Наружность их не настолько типична, чтобы судить об их национальной принадлежности. Что касается языка, происхождение его совершенно необъяснимо.

– Большое упущение не знать всех языков! – заметил Консель. – А еще проще было бы ввести один общий язык!

– И это бы не помогло! – возразил Нед Ленд. – Неужто не видите, что у этих людей язык собственного изобретения, выдуманный, чтобы приводить в бешенство порядочного человека, который хочет есть! Во всех странах мира поймут, что надо человеку, когда он открывает рот, щелкает зубами, чавкает! На этот счет язык один как в Квебеке, так и в Паумоту, как в Париже, так и у антиподов: «Я голоден! Дайте мне поесть!»

– Э-э! – сказал Консель. – Бывают такие непонятливые натуры...

Не успел он сказать последнее слово, как дверь растворилась. Вошел стюард.¹¹ Он принес нам одежду, куртки и морские штаны, сшитые из какой-то диковинной ткани. Я проворно оделся. Мои спутники последовали моему примеру.

Тем временем стюард – немой, а может быть, и глухой – накрыл на стол и поставил три прибора.

– Дело принимает серьезный оборот, – сказал Консель. – Начало обнадеживающее!

– Ба! – возразил злопамятный гарпунер. – На кой черт нам

¹¹ Стюард (англ.) – буфетчик на корабле.

ихние кушанья! Черепашья печенка, филе акулы, бифштекс из морской собаки!

– А вот увидим! – сказал Консель.

Блюда, прикрытые серебряными колпаками, были аккуратно расставлены на столе, застланном скатертью. Мы сели за стол. Право, мы имели дело с людьми цивилизованными, и если б не электрическое освещение, можно было бы вообразить, что мы находимся в ресторане отеля Адельфи в Ливерпуле или в «Гранд-отеле» в Париже. Должен сказать, что к столу не подали ни хлеба, ни вина. Вода была свежая и прозрачная, но все же это была вода, – что пришлось не по вкусу Неду Ленду. В числе поданных нам кушаний я отметил несколько знакомых мне рыбных блюд, превосходно приготовленных; но перед некоторыми кушаньями я стал в тупик. Я не мог даже определить, какого они происхождения – растительного или животного. Что до сервировки стола, на всем лежал отпечаток изящества и тонкого вкуса. На столовой утвари, ложках, вилках, ножах, тарелках был выгравирован инициал в полукружии надписи-девиза. Вот точное факсимиле:

Mobilis in mobile

N

Подвижный в подвижной среде! Девиз, удивительно подходивший к этому подводному судну при условии, что предлог in в переводе читать как *в*, а не *на*. Буква N была, очевидно, инициалом таинственной личности, господствовавшей в глубинах морей!

Нед и Консель не вдавались в подобные размышления. Они набросились на еду, и я поспешил последовать их примеру. Теперь я был спокоен за нашу участь, и мне казалось очевидным, что наши хозяева не дадут нам умереть от истощения.

Однако все на свете кончается, все проходит, даже голод людей, не евших целых пятнадцать часов! Насытившись, мы почувствовали, что нас неодолимо клонит ко сну. Реакция вполне естественная после борьбы со смертью в ту ночь, которой, казалось, конца не будет.

– Ей-ей, я охотно соснул бы, – сказал Консель.

– А я уже сплю, – ответил Нед Ленд.

И оба мои спутника растянулись на циновках, разостланных на полу кабины, и мгновенно заснули.

Но для меня не так просто было отдаться властной потребности сна. Тысячи мыслей волновали мозг, тысячи неразрешенных вопросов вставали передо мной, тысячи образов не давали сомкнуть веки! Где мы? Какая неумная сила увлекала нас? Я чувствовал – вернее, мне казалось, что чувствую, – как судно погружается в самые глубинные слои моря. Меня мучили кошмары. Из таинственных морских пучин возникали целые сонмища неведомых животных, казалось, однородных с этим подводным кораблем, столь же жизнедеятельным, подвижным, грозным, как они!.. Понемногу мозговое возбуждение улеглось, видения растаяли в дымке дремоты, и я забылся вскоре тяжелым сном.

Глава девятая

Нед Ленд в ярости

Не знаю, долго ли мы спали; вероятно, долго, потому что я чувствовал себя вполне отдохнувшим. Проснулся я раньше всех. Мои спутники мирно почивали, растянувшись в углу.

Голова у меня была свежая, мысли ясные. Поднявшись со своего изрядно жесткого ложа, я снова стал внимательно исследовать наш каземат.

Никаких превращений тут не произошло. Темница оставалась темницей, а пленники пленниками! Только убраны были приборы со стола. Ничто не предвещало скорого изменения нашей участи; и в тревоге я спрашивал себя: неужели мы обречены неведь какое время жить в этой клетке?

Невеселая будущность рисовалась в еще более мрачных красках, потому что мне стало не хватать воздуха. Я почувствовал какое-то стеснение в груди, хотя вчерашние кошмары больше не повторялись. Дыхание становилось все затрудненнее. От духоты я буквально задыхался. Хотя наша камера была достаточно просторна, мы, видимо, поглотили большую часть кислорода, содержащегося в воздухе. Известно, что человек расходует в час такое количество кислорода, какое содержится в ста литрах воздуха. Поэтому воздух, насыщенный почти таким же количеством выдыхаемой углекислоты, становится негодным для дыхания.

Короче говоря, необходимо было освежить атмосферу в нашей камере и, само собой, во всем подводном корабле.

Но тут у меня возник вопрос. Как поступает в таком случае командир подводного судна? Не получает ли он кислород химическим способом: путем прокаливания бертолетовой соли с одновременным поглощением углекислого газа воздуха хлористым калием? Но ведь запасы химических веществ истощаются, их приходится возобновлять и, стало быть, поддерживать сношения с Землей? Возможно, он довольствуется сжатым воздухом, нагнетенным в особые резервуары, который расходуется по мере надобности? Все может стать! Не действует ли он более простым, более экономическим, а значит, и более вероятным способом? Не поднимается ли он на поверхность океана, подобно киту, подышать свежим воздухом?

Но каким бы способом он ни действовал, по-моему, пришло время применить его без промедления!

Я старался дышать чаще, вбирая в себя остатки кислорода, которые еще сохранились в душном помещении. И вдруг на меня пахнуло морем: струя чистого, насыщенного морскими запахами воздуха ворвалась в наш каземат. Животворного, напоенного йодистыми веществами, морского воздуха! Широко раскрыв рот, я вдохнул с жадностью его чудодейственную струю! И буквально в ту же минуту почувствовал легкий толчок и затем нерезкую бортовую качку, впрочем, довольно ощутимую. Судно, это стальное чудови-

ще, всплывало на поверхность вод подышать, на манер кита, свежим воздухом! Итак, способ вентилирования судна был установлен.

Надышавшись полной грудью, я стал искать вентиляционное отверстие, так сказать, «воздухопровод», через который поступал живительный ток. Я скоро нашел его. Над дверью находилась отдушина, через которую врывалась струя чистого воздуха, освежавшая камеру.

Как только пахнуло свежестью, проснулись Нед и Консель.

Точно по команде, протерев глаза, потянувшись, они оба вскочили на ноги.

– Как почивалось господину профессору? – учтиво спросил Консель.

– Превосходно, мой друг, – ответил я. – А вам, мистер Нед Ленд?

– Спал мертвым сном, господин профессор. Если не ошибаюсь, повеяло морским ветерком?

Моряк не мог ошибиться, и я рассказал гарпунеру о том, что произошло, пока они спали.

– Так-с! – сказал он. – Теперь понятно, что это был за свист, который мы слышали, когда мнимый нарвал шнырял в виду «Авраама Линкольна»!

– Совершенно верно, мистер Ленд! До нас доносилось его свистящее дыхание.

– А скажите на милость, господин Аронакс, который те-

перь час? Я никак не могу сообразить, не обеденный ли?

– Обеденный час, мой уважаемый гарпунер? Вы, верно, хотите сказать, что время завтракать? Мы, наверное, проспали весь вчерашний день, до самого нынешнего утра!

– Выходит, что мы проспали целые сутки! – вскричал Консель.

– Так мне кажется, – отвечал я.

– Не стану спорить с вами, господин профессор, – сказал Нед Ленд. – По мне, все равно, что обед, что завтрак! Лишь бы стюард догадался подать нам и то и другое!

– И то и другое! – повторил Консель.

– Правильно! – поддержал его канадец. – Мы имеем право и на то и на другое! Что касается меня, я окажу честь и завтраку и обеду!

– Ну что же, Нед, приходится запастись терпением, – сказал я. – Наши неведомые хозяева, очевидно, не имеют намерения морить нас голодом, иначе им не было бы смысла кормить нас вчера обедом.

– А что, если они вздумали откармливать нас на убой? – сказал Нед.

– Едва ли! – ответил я. – Не в руки же людоедов мы попали!

– Один раз полакомиться не в счет, – серьезно сказал канадец. – Кто знает, может быть, эти люди давненько не пробовали свежего мяса. А трое здоровых, хорошо упитанных особ, как господин профессор, его слуга и я...

– Выбросьте вздорные мысли из головы, мистер Ленд, – отвечал я гарпунеру. – И главное, не вздумайте разговаривать в таком духе с нашими хозяевами, вы этим только ухудшите наше положение.

– Баста! – сказал гарпунер. – Я голоден, как тысяча чертей, и будь то обед или ужин, а нам его не подают!

– Мистер Ленд, – заметил я, – на корабле следует подчиняться установленному распорядку, а я подозреваю, что сигналы ваших желудков опережают звонок кока!

– Что ж, переведем стрелки наших часов, – сказал невозмутимый Консель.

– Узнаю вас, друг Консель! – вскричал нетерпеливый кападец. – У вас желчь даром не разливается, вы бережете свои нервы! Завидное спокойствие! Вы способны, не покушав, произнести благодарствие! Вы скорее умрете с голоду, чем станете жаловаться!

– А что толку в жалобах? – спросил Консель.

– Что толку? Пожалуйтесь, и все как-то легче! Ну а ежели эти пираты – я говорю «пираты» из уважения к господину профессору, потому что он запретил мне называть их людоедами, – ежели эти пираты воображают, что я позволю держать себя в клетке, где я задыхаюсь, и что дело обойдется без крепких слов, на которые я горазд во гневе, так они ошибаются! Послушайте, господин Аронакс, скажите откровенно, как вы думаете, долго еще продержат нас в этом железном ящике?

– Откровенно говоря, я знаю об этом не больше вашего, мой друг!

– Ну, все-таки, как вы полагаете?

– Я полагаю, что случай позволил нам приоткрыть важную тайну. И если экипаж подводного судна заинтересован в сохранении этой тайны и если тайна для них дороже, чем жизнь трех человек, то, я думаю, мы в большой опасности. В противном случае чудовище, поглотившее нас, при первой же возможности вернет нас в общество нам подобных.

– Или зачислит нас в судовую команду, – сказал Консель, – и будет держать...

– ...до тех пор, – закончил Нед Ленд, – пока какой-нибудь фрегат, более быстроходный или более удачливый, чем «Авраам Линкольн», не захватит это разбойничье гнездо и не вздернет весь экипаж и нас вместе с ним на реи.

– Весьма резонно, мистер Ленд, – заметил я. – Но, как мне известно, никто еще не делал нам каких-либо предложений. Поэтому бесполезно строить планы на будущее. Повторяю: нужно выждать и действовать в соответствии с обстоятельствами; и не нужно ничего делать, раз делать нечего!

– Напротив, господин профессор, – ответил гарпунер, не желавший сдаваться, – нужно что-то делать!

– Но что же именно, мистер Ленд?

– Бежать!

– Бежать из «земной» тюрьмы и то довольно трудно, но бежать из подводной тюрьмы и вовсе, по-моему, невыносимо.

– Ну-с, друг Ленд, – обратился к нему Консель, – что вы скажете в ответ на замечание господина профессора? Я не поверю, чтобы американец полез в карман за словом!

Гарпунер, явно смущенный, молчал. Побег в тех условиях, в которые поставил нас случай, был совершенно невозможен. Но недаром канадец наполовину француз, и Нед Ленд доказал это своим ответом.

– Стало быть, господин Аронакс, – сказал он после короткого раздумья, – вы не догадываетесь, что должен делать человек, если он не может вырваться из тюрьмы?

– Не догадываюсь, мой друг!

– А очень просто! Он устраивается по-хозяйски.

– Еще бы! – сказал Консель. – Куда приятнее обосноваться внутри плавучей тюрьмы, чем оказаться вне ее стен!

– Но прежде нужно вышвырнуть вон всех тюремщиков, ключарей, стражников! – прибавил Нед Ленд.

– Полноте, Нед! Неужели вы серьезно думаете взять в свои руки судно?

– Вполне серьезно, – отвечал гарпунер.

– Пустая затея!

– Почему же, сударь? Разве не может представиться удобный случай? А раз так, я не вижу причины им не воспользоваться. Ежели на этом поплавке не больше двадцати человек экипажа, неужто они заставят отступить двух французов и одного канадца!

Разумнее было обойти молчанием фантазерство гарпуне-

ра и не вступать с ним в спор. Поэтому я ограничился дипломатической оговоркой.

— При случае, мистер Ленд, мы вернемся к этой теме, — сказал я. — Но прошу вас запастись терпением. Тут надо действовать осторожно, а вы своей вспыльчивостью только все дело портите! Обещайте мне считаться с нашим положением и не впадать в гнев.

— Обещаю, господин профессор, — отвечал Нед Ленд малолетственным тоном. — В рот воды наберу, не изменю себе ни единым движением, пусть даже не будут кормить, как нам того хотелось бы!

— Вы дали слово, Нед, — сказал я канадцу.

Разговор на этом кончился, и каждый из нас углубился в свои мысли.

Должен сознаться, что вопреки гарпунеру, исполненному радужных надежд, я не питал никаких иллюзий. Я не верил в счастливый исход, на который уповал Нед Ленд. Судя по тому, как искусно маневрировал подводный корабль, на борту должен был находиться солидный экипаж; и, стало быть, вступив в борьбу, мы столкнулись бы с сильным противником. Притом, чтобы действовать, нужно быть свободными, а мы сидели взаперти! Я не представлял себе, каким путем можно бежать из этого стального каземата с герметическими затворами. И если командир хранит в тайне существование своего подводного корабля — что было вполне вероятно, — он не позволит нам разгуливать на борту судна. Как он обой-

дется с нами? Обречет ли на смерть или высадит когда-нибудь на необитаемый остров? Мы были в его власти. Все мои домыслы, как мне казалось, были равно близки к истине, и нужно быть Недом Лендом, чтобы надеяться завоевать себе свободу. Впрочем, зная склонность канадца к навязчивым идеям, я понимал, что чем больше он будет раздумывать, тем больше будет ожесточаться. Я уже чувствовал, что проклятия застревают в его глотке, что в его движениях сказывается едва сдерживаемая ярость. Он вскакивал, метался, как дикий зверь в клетке, колотил об стену и ногой и кулаками. Время шло, голод давал себя знать, а стюард не показывался. Нашим хозяевам, если у них действительно были в отношении нас добрые намерения, не следовало так надолго оставлять без внимания потерпевших кораблекрушение!

Неда Ленда от голода мучили спазмы в желудке, и он все больше выходил из себя; я начинал уже опасаться с его стороны, несмотря на данное им слово, вспышки гнева при появлении кого-нибудь из команды судна.

Прошло еще два часа. Гнев Неда Ленда все нарастал. Канадец звал, кричал, но тщетно. Глухи были железные стены. Не слышно было ни малейшего шума на судне, как будто все там умерло. Не чувствовалось легкого дрожания корпуса при вращении винта. Судно, несомненно, стояло на месте. Погрузившись в морские пучины, оно не принадлежало более земле. Безмолвие это было ужасно.

Мы были покинуты, заперты в стенах каземата. Я стра-

шился подумать о том, как долго может продлиться наше заключение. Проблеск надежды, вспыхнувший было при свидании с капитаном, понемногу угас. Ласковый взгляд этого человека, печать великодушия на его лице, благородство осанки – все изгладилось в моей памяти. Я представлял себе этого таинственного незнакомца таким, каким он, верно, и был: неумолимым, жестокосердным. Он, видимо, поставил себя выше человечности, стал недоступен чувству жалости, сделался непримиримым врагом себе подобных, которым он поклялся в вечной ненависти!

Но неужели этот человек даст нам погибнуть в стенах тесной темницы? Оставит нас во власти страшных мучений, на которые обрекает жестокий голод? Ужасная мысль овладела моим сознанием, а воображение сгущало краски. Отчаяние овладело мной. Консель был спокоен. Нед Ленд неистовствовал.

Вдруг снаружи послышался шум. Чьи-то шаги гулко отдавались в металлических плитах. Засовы взвизгнули, дверь отворилась, вошел стюард.

Прежде чем я успел сделать движение, чтобы удержать канда, он ринулся на беднягу, повалил его на пол, схватил за горло. Стюард задыхался в его могучих руках.

Консель пытался было вырвать из рук гарпунера его жертву, а я уже готов был помочь ему – и вдруг так и замер на месте при словах, сказанных по-французски:

– Успокойтесь, мистер Ленд, и вы, господин профессор!

Извольте выслушать меня!

Глава десятая

Обитатель морей

Это был капитан корабля.

Нед Ленд живо вскочил на ноги. Стюард, чуть не задушенный, тотчас же, по знаку своего начальника, пошатываясь вышел из каюты; и власть командира была такова, что этот человек ни единым жестом не выказал своей злобы против канадца. Консель – и тот, казалось, несколько опешил от неожиданности. И все втроем мы молча ожидали развязки этой сцены.

Капитан, прислонившись к столу, скрестив руки на груди, внимательно смотрел на нас. Колебался ли он вступить с нами в сношения? Жалел ли, что у него вырвалось несколько французских фраз? Вполне возможно.

Несколько секунд длилось молчание, и никто из нас не решался его нарушить.

– Господа, – сказал наконец капитан спокойным и про-никновенным голосом, – я свободно владею французским, английским, немецким и латинским языками. Я мог бы сразу же объясниться с вами, но я хотел сперва понаблюдать за вами и затем решить, как мне к вам отнестись. Все, что вы рассказали о себе, и вместе и порознь, вполне совпадало; и я убедился, что вы действительно те самые лица, за которых вы себя выдаете. Я знаю теперь, что случай свел меня с госпо-

дином Пьером Аронаксом, профессором естественной истории в Парижском музее, командированным за границу с научной миссией; я знаю, что спутники господина профессора – его слуга Консель и канадец Нед Ленд, гарпунер с фрегата «Авраам Линкольн», входящего в состав военно-морского флота Соединенных Штатов Америки.

Я поклонился в знак согласия. Капитан не обращался ко мне с вопросом. Стало быть, ответа не требовалось. Он изъяснялся по-французски совершенно свободно. Произношение его было безукоризненно, слова точны, манера говорить обаятельна.

Затем он сказал:

– Вы, несомненно, сочли, что наша вторичная встреча могла бы состояться несколько раньше. Но я стал в тупик, узнав, кто вы такой, сударь! Я долго не мог принять решения. Досадные обстоятельства свели вас с человеком, который порвал с человечеством! Вы смутили мой покой...

– Поневоле, – сказал я.

– Поневоле? – повторил неизвестный, несколько возвысив голос. – Неужто «Авраам Линкольн» поневоле охотился за мной во всех морях? Неужто вы поневоле пустились в плавание на борту этого фрегата? Неужто ваши снаряды поневоле попадали в корпус моего судна? Неужто мистер Нед Ленд поневоле метнул в меня острой?

Сдержанное раздражение чувствовалось в словах капитана. Но на все его упрёки у меня был совершенно естествен-

ный ответ.

— Сударь, — сказал я, — до вас, конечно, не доносились слухи, которые ходили в Америке и Европе в связи с вашим судном. Вы не знаете, какой отклик в общественном мнении обоих материков получили несчастные случаи при столкновении военных кораблей с вашим подводным судном! Я не стану утомлять ваше внимание перечислением всех предположений, которыми пытались объяснить необъяснимое явление, составлявшее вашу тайну. Но знайте, что, преследуя вас до самых отдаленных морей Тихого океана, «Авраам Линкольн» считал, что он охотится за каким-то морским чудовищем, истребить которое он обязан во что бы то ни стало!

Легкая усмешка тронула губы капитана.

— Господин Аронакс, — сказал он более спокойным тоном, — возьмете ли вы на себя смелость утверждать, что ваш фрегат не стал бы преследовать и обстреливать подводное судно с такой же энергией, как преследовал морское чудовище?

Вопрос капитана смутил меня. Я знал, что командир фрегата, капитан Фарагут, конечно, не стал бы раздумывать. Он счел бы своим долгом уничтожить подводное судно так же, как и чудовищного нарвала.

— Итак, вы должны согласиться, сударь, — продолжал неизвестный, — что я имею право отнести к вам, как к моим врагам.

Я опять ничего не ответил, и по той же причине.

— Я долго колебался, — говорил капитан. — Ничто не обязывало меня оказывать вам гостеприимство. У меня не было бы сейчас причины встречаться с вами, если б я решил избавиться от вас. Я мог бы, высадив вас на палубу моего судна, послужившего вам убежищем, опуститься в морские глубины и забыть о вашем существовании! Разве я был не вправе так поступить?

— Дикарь был бы вправе поступить так, но не цивилизованный человек! — отвечал я.

— Господин профессор, — возразил с живостью капитан, — я вовсе не из тех людей, которых вы именуете цивилизованными! Я порвал всякие связи с обществом! На то у меня были веские причины. А насколько причины были основательны, судить могу лишь я один! Я не повинуюсь законам этого самого общества, и прошу вас никогда на них не ссылаться!

Все было сказано. Гневен и презрителен был взгляд неизвестного. И у меня мелькнула мысль, что в прошлом этого человека скрыта страшная тайна. Недаром он поставил себя вне общественных законов, недаром ушел за пределы досягаемости, обрета независимость и свободу в полном значении этого слова! Кто отважится преследовать его в морских пучинах, если и на поверхности океана он пресекал всякую попытку вступить с ним в бой? Какое судно устоит против этого подводного монитора? Какая броня выдержит удар его тарана? Никто из людей не мог потребовать у него отчета в его действиях! Бог, если он верил в него, совесть, если он

еще не потерял ее, были его единственными судьями.

Все эти мысли промелькнули в моей голове, пока этот загадочный человек, весь уйдя в себя, хранил молчание. Я смотрел на него с ужасом и любопытством; так, верно, Эдип смотрел на сфинкса!

Капитан прервал наконец томительное молчание.

– Итак, я колебался, – сказал он. – Но, подумав, решил, что свои интересы можно, в конце концов, совместить с чувством сострадания, на которое имеет право всякое живое существо. Вы останетесь на борту моего корабля, раз судьба забросила вас сюда. Я предоставляю вам свободу, впрочем, весьма относительную; но взамен вы должны выполнить одно условие. Вашего обещания сдержать свое слово вполне для меня довольно.

– Я слушаю, сударь, – ответил я. – Надеюсь, что порядочному человеку не составит труда принять ваше условие!

– Само собой разумеется! Так вот: возможно, что некоторые непредвиденные обстоятельства когда-нибудь вынудят меня удалить вас на несколько часов или дней в ваши каюты без права выходить оттуда. Не желая прибегать к насилию, я заранее хочу заручиться вашим обещанием беспрекословно повиноваться мне в подобных случаях. Таким образом я снимаю с вас всякую ответственность за все, что может произойти. Вы будете лишены возможности быть свидетелями событий, в которых вам не положено принимать участие. Ну, принимаете мое условие?

Стало быть, на борту подводного корабля вершатся дела, о которых вовсе не следует знать людям, не поставившим себя вне общественных законов! Из всех нечаянностей, которые готовило мне будущее, последняя нечаянность была не из самых малых!

– Принимаем, – отвечал я. – Но позвольте, сударь, обратиться к вам с вопросом?

– Пожалуйста.

– Вы сказали, что мы будем пользоваться свободой на борту вашего судна?

– Полной свободой.

– Я желал бы знать, что вы подразумеваете под этой свободой?

– Вы можете свободно передвигаться в пределах судна, осматривать его, наблюдать жизнь на борту – за исключением редких случаев, – короче говоря, пользоваться свободой наравне со мной и моими товарищами.

Видимо, мы говорили на разных языках.

– Извините, сударь, но это свобода узника в стенах темницы! Мы не можем этим удовольствоваться.

– Приходится удовольствоваться.

– Как! Мы должны отбросить всякую надежду увидеть родину, друзей, семью?

– Да! И вместе с тем сбросить с себя тяжкое земное иго, что люди называют свободой! Уж не так это тягостно, как вы думаете!

– Что касается меня, – вскричал Нед Ленд, – я никогда не

дам слово отказаться от мысли бежать отсюда!

– Я и не прошу вашего слова, мистер Ленд, – холодно отвечал капитан.

– Сударь, – вскричал я, не владея собой, – вы злоупотребляете своей властью! Это бесчеловечно!

– Напротив, великодушно! Вы взяты в плен на поле битвы! Одно мое слово, и вас сбросили бы в пучины океана! А я сохранил вам жизнь. Вы напали на меня! Вы овладели тайной, в которую не должен был проникнуть ни один человек в мире, – тайной моего бытия! И вы воображаете, что я позволю вам вернуться на землю, для которой я умер! Да никогда! Я буду держать вас на борту ради собственной безопасности!

По-видимому, капитан принял решение, против которого бессильны были всякие доводы.

– Совершенно очевидно, сударь, – сказал я, – что вы попросту предоставляете нам выбор между жизнью и смертью?

– Совершенно очевидно.

– Друзья мои, – сказал я, обращаясь к своим спутникам, – дело обстоит так, что спорить бесполезно. Но мы не дадим никакого обещания, которое связало бы нас с хозяином этого судна.

– Никакого, – сказал неизвестный.

И более мягким голосом он прибавил:

– Позвольте мне закончить наш разговор. Я знаю вас, господин Аронакс. Если не ваши спутники, то, может быть, вы лично не посетуете на случай, связавший наши судьбы. Меж-

ду моими любимыми книгами вы найдете и свой труд, посвященный изучению морских глубин. Я часто перечитываю вашу книгу. Вы двинули науку океанографии так далеко, как только это возможно для жителя земли. Позвольте уверить вас, господин профессор, что вы не пожалеете о времени, проведенном на борту моего корабля. Вы совершите путешествие в страну чудес! Смена впечатлений взволнует ваше воображение. Вы постоянно будете находиться в восторженном состоянии. Вы не устанете изумляться виденному. Жизнь подводного мира непрерывно будет разворачиваться перед вашими глазами, не пресыщая ваш взор! Я готовлюсь предпринять вновь подводное путешествие вокруг света – как знать, не последнее ли? Я хочу еще раз окинуть взглядом все, что мной изучено в морских глубинах, не однажды мной исследованных! Вы будете участником моих научных занятий. С нынешнего дня вы вступаете в новую стихию, вы увидите то, что скрыто от людских глаз – я и мои товарищи не идем в счет, – и наша планета раскроет перед вами свои сокровенные тайны!

Не скрою, речи капитана произвели на меня большое впечатление. Он тронул мою чувствительную струну, и я на мгновение забыл, что созерцание чудес подводного мира не искупит утраченной свободы. Но я утешил себя, положившись на будущее в решении столь важного вопроса. Поэтому я ограничился короткой репликой.

– Сударь, – сказал я, – хотя вы и порвали с человечеством,

все же, надеюсь, вам не чужды человеческие чувства? Мы потерпели кораблекрушение. Вы великодушно приняли нас на борт своего судна. Мы никогда не забудем этого. Что касается меня, признаюсь, что если бы возможность служить науке могла ослабить вкус к свободе, то встреча с вами с избытком вознаградила бы меня за ее утрату.

Я думал, что капитан протянет мне руку, чтобы скрепить наш договор. Но капитан руки не протянул. И я мысленно пожалел его.

– Последний вопрос, – сказал я, заметив, что этот непостижимый человек готов уйти.

– Слушаю вас, господин профессор.

– Как прикажете именовать вас?

– Сударь, – отвечал капитан, – я для вас капитан Немо,¹² а вы для меня, как и ваши спутники, только пассажиры «Наутилуса».

Капитан Немо позвал слугу и отдал ему приказание на том же неизвестном мне языке. Затем, обращаясь к канадцу и Конселю, сказал:

– Завтрак вас ждет в вашей каюте. Потрудитесь следовать за этим человеком.

– Не откажусь! – ответил гарпунер.

И они вышли наконец из темницы, где пробыли взаперти более тридцати часов.

– А теперь, господин Аронакс, пойдемте и мы завтракать.

¹² Nemo (лат.) – никто.

Не угодно ли вам пожаловать за мной?

— Я в вашем распоряжении, капитан.

И я пошел вслед за капитаном Немо. Переступив порог, мы очутились в освещенном электричеством узком проходе. Пройдя метров десять, мы через открытую дверь вошли в большую залу.

Это была столовая, отделанная и меблированная в строгом вкусе. Высокие дубовые поставцы, инкрустированные черным деревом, стояли по обоим концам столовой, и на их полках с волнообразными краями сверкал дорогой фаянс, фарфор, хрусталь. Серебряная утварь отражала своей блестящей поверхностью свет, падавший сверху. Тонкая роспись потолка смягчала яркость освещения.

Посредине залы стоял богато сервированный стол. Капитан Немо жестом указал мне мое место.

— Садитесь, — сказал он, — и кушайте! Вы, верно, умираете с голоду.

Завтрак состоял из нескольких блюд, приготовленных исключительно из продуктов, поставляемых морем; все же некоторые блюда вызывали во мне недоумение. Кушанья были очень аппетитные, но в них чувствовался какой-то привкус; впрочем, вскоре я перестал его ощущать. Все эти блюда содержали в себе, как мне показалось, много фосфора, и я решил, что все они морского происхождения.

Капитан Немо искоса на меня поглядывал. Я ни о чем не спрашивал его, но он сам ответил мне на вопросы, которые

вертелись у меня на языке.

– Большинство этих блюд вам незнакомо, – сказал он, – но кушайте их без боязни. Пища здоровая и питательная. Я давно отказался от мясных блюд и, как видите, чувствую себя неплохо. Мои матросы все, как на подбор, здоровяки, а мы одинаково питаемся.

– Стало быть, – сказал я, – все эти кушанья изготовлены из продуктов, поставляемых морем?

– Да, господин профессор! Море удовлетворяет все мои нужды. Закинув сети, я получаю богатый улов. Опустившись в морские глубины, казалось, недоступные человеку, чтобы поохотиться в подводных лесах, я подстрелю водяную дичь. Мои стада, подобно стадам Нептуна, мирно пасутся на океанских пастбищах. Владения мои обширны, и рука создателя всего живого не оскудевает!

Я посмотрел на Немо с удивлением и сказал:

– Я хорошо понимаю, сударь, что сети поставляют превосходную рыбу к вашему столу; я понимаю, хотя и не совсем ясно, что вы позволяете себе роскошь охотиться за водяной дичью в подводных лесах; но мне совершенно непонятно, откуда в меню появляется мясное блюдо, пусть в самом малом количестве?

– Сударь, – отвечал капитан Немо, – я не питаюсь мясом земных животных.

– Ну а это что же такое? – спросил я, указывая на тарелку, на которой лежали кусочки говядины.

– То, что вы принимаете за говядину, господин профессор, всего лишь филейная часть морской черепахи. А вот жаркое из печени дельфина; вы легко приняли бы это блюдо за рагу из свинины! Мой повар мастерски консервирует дары океана. Отведайте всего понемногу. Вот консервы из морских кубышек; любой малаец нашел бы их несравненными на вкус! Вот крем, взбитый из сливок, которые поставляют нам киты; вот сахар, который добывается из гигантских фикусов Средиземного моря! И наконец, позвольте вам предложить варенье из анемонов, не уступающих в сочности самым спелым плодам земли.

И я отвеживал от каждого блюда не из жадности, а из любопытства. А капитан Немо тем временем чаровал меня, рассказывая баснословные вещи.

– Море, господин Аронакс, – говорил он, – кормит меня! Щедроты его неистощимы. Море не только кормит меня, но и одевает. Ткань на вашем костюме соткана из биссуса некоторых двустворчатых моллюсков; окрашена она, по примеру древних, соком пурпурницы, а фиолетовый оттенок придан экстрактом аплизий Средиземного моря. Духи, что стоят на туалетном столике в вашей каюте, получены сухой перегонкой морских растений. Ваша постель из мягкой морской травы зостеры. Пером вам будет служить китовый ус, чернилами – выделения желез каракатицы. Я живу дарами моря, и море в свое время возьмет обратно свои дары!

– Вы любите море, капитан?

– Да, я люблю море! Море – это все! Оно покрывает собой семь десятых земного шара. Дыхание его чисто, животворно. В его безбрежной пустыне человек не чувствует себя одиноким, ибо вокруг себя он ощущает биение жизни. В лоне морей обитают невиданные диковинные существа. Море – это вечное движение и любовь, вечная жизнь, как сказал один из ваших поэтов. И в самом деле, господин профессор, водная среда представляет для развития жизни исключительные преимущества. Тут представлены три царства природы: минералы, растения, животные. Животное царство широко представляют четыре группы зоофитов,¹³ три класса членистых, пять классов моллюсков, три класса позвоночных, млекопитающих, пресмыкающихся и неисчислимые легионы рыб, отряды животных, которых насчитывают свыше тринадцати тысяч видов, из коих только одна десятая обитает в пресных водах. Море – обширный резервуар природы! Если можно так выразиться, морем началась жизнь земного шара, морем и кончится! Тут высший покой! Море не подвластно деспотам. На поверхности морей они могут еще чинить беззакония, вести войны, убивать себе подобных. Но на глубине тридцати футов под водой они бессильны, тут их могущество кончается! Ах, сударь, оставайтесь тут, живите в лоне морей! Тут, единственно тут, настоящая независимость! Тут

¹³ Зоофиты, по научной классификации того времени, объединяли большое число различных групп беспозвоночных и в том числе губок, кишечнополостных, червей, иглокожих и др.

нет тиранов! Тут я свободен!

Капитан Немо вдруг умолк. Не изменил ли он своей обычной сдержанности? Не пожалел ли, что сказал лишнее? Несколько минут он в видимом волнении ходил по комнате. Понемногу нервы его успокоились, лицо приняло обычное холодное выражение. Наконец он подошел ко мне.

– А теперь, господин профессор, – сказал он, – если вы желаете осмотреть «Наутилус», я к вашим услугам.

Глава одиннадцатая

«Наутилус»

Я последовал за капитаном Немо. Двойная дверь в глубине столовой распахнулась, и мы вошли в соседнюю комнату, столь же просторную.

Это была библиотека. В высоких шкафах из черного палисандрового дерева с бронзовыми инкрустациями на широких полках стояли рядами книги в одинаковых переплетах. Шкафы тянулись вдоль стен, занимая все пространство от пола до потолка. Несколько отступя от шкафов шли сплошные широкие диваны, обитые коричневой кожей. Легкие передвижные подставки для книг расставлены были близ диванов. Посредине библиотеки стоял большой стол, заваленный журналами, среди которых я заметил несколько старых газет. С лепного потолка, завершая весь этот гармонический ансамбль, четыре полушария из матового стекла изливали электрический свет. С восхищением осматривал я этот покой, обставленный с таким вкусом, и глазам своим не верил.

— Капитан Немо, — сказал я хозяину, расположившемуся на диване, — ваша библиотека сделала бы честь любому дворцу на континенте; и я диву даюсь при мысли, что такая сокровищница сопутствует вам в морские глубины!

— А где же вы найдете столь благоприятные условия для работы, господин профессор? — ответил капитан Немо. — Ти-

шина, полный покой. Разве в вашем кабинете в Парижском музее вы пользуетесь такими удобствами?

— Разумеется, нет! И я должен признаться, что мой парижский кабинет беден в сравнении с вашим. У вас тут не менее шести-семи тысяч томов...

— Двенадцать тысяч, господин Аронакс. Книги — единственное, что связывает меня с землей. Свет перестал существовать для меня в тот день, когда «Наутилус» впервые погрузился в морские глубины. В тот день я в последний раз покупал книги, журналы, газеты. С того дня для меня человечество перестало мыслить, перестало творить. Моя библиотека к вашим услугам, господин профессор; вы можете располагать ею, как вам будет угодно.

Поблагодарив капитана Немо, я подошел к библиотечным полкам. Тут была собрана научная, философская, художественная литература на всех языках; но я не заметил ни одного сочинения по политической экономии; очевидно, политической экономии доступ на борт судна был строго воспрещен. Любопытная подробность — книги были расставлены в алфавитном порядке, независимо от того, на каком языке они написаны; видимо, капитан Немо свободно владел всеми языками.

Среди книг я увидел произведения великих писателей и мыслителей древнего и нового мира — все то лучшее, что создано человеческим гением в области истории, поэзии, художественной прозы и науки, начиная с Гомера до Виктора Гю-

го, с Ксенофонта до Мишле, с Рабле до госпожи Санд. Но научные книги все же преобладали в этой библиотеке; книги по механике, баллистике, гидрографии, метеорологии, географии, зоологии чередовались с трудами по естественной истории – как я понял, главного предмета научных интересов капитана. Тут было полное собрание сочинений Гумбольдта, Араго, труды Фуко, Анри Сент-Клер Девиля, Шасля, Мильна Эдвардса, Катрфажа, Тиндаля, Фарадея, Бертелло, аббата Секки, Петерманна, капитана Мори, Агассиса, «Записки Академии наук», сборники различных географических обществ и прочее. И в этом почетном обществе находились две моих книги, которым, возможно, я был обязан относительно любезным приемом на борту «Наутилуса»! Книга Жозефа Бертрана «Основы астрономии» позволила мне сделать заключение: я знал, что она вышла в свет в 1865 году, – стало быть, «Наутилус» был спущен под воду не раньше этого времени.

Итак, капитан Немо начал свое подводное существование всего лишь три года назад. Впрочем, я надеялся установить точную дату, если в библиотеке окажется более позднее издание. Но у меня впереди было достаточно времени для подобных изысканий, и, помимо того, мне не хотелось откладывать обозрения чудес «Наутилуса».

– Благодарю вас, сударь, – сказал я, – за разрешение пользоваться вашей библиотекой. Тут собраны столь ценные научные сокровища! Я не премину с ними ознакомиться.

– Тут не только библиотека, – отвечал капитан Немо, – но и курительная.

– Курительная? – воскликнул я. – Курительная на борту «Наутилуса»?

– Совершенно верно!

– В таком случае, сударь, я должен предположить, что вы поддерживаете связь с Гаваной?

– Отнюдь нет, – возразил капитан. – Позвольте предложить вам сигару. Правда, она не гаванская, но, если вы знаток, сигара придется вам по вкусу.

Я взял сигару, по форме весьма напоминавшую лучшие сорта гаванских, но, казалось, скрученную из золотистых листьев. Я раскурил ее у светильника, стоявшего на изящной бронзовой подставке, и затянулся с жадностью завязанного курильщика, лишенного табака уже двое суток.

– Превосходная сигара, – сказал я, – но разве это табак?

– Табак, но не гаванский и не турецкий. Море поставляет мне, хотя и не очень щедро, эти редкие морские водоросли, богатые никотином. Вы и теперь вздыхаете о гаванских сигарах, а?

– С этой минуты, капитан, я их презираю!

– Курите, пожалуйста, сколько вам вздумается, не спрашивая о происхождении сигар. Никакая таможня не взимала за них налога, но от этого, полагаю, они не стали хуже!

– Напротив!

В этот момент капитан Немо растворил дверь, противо-

положную той, через которую мы вошли в библиотеку, и я оказался в ослепительно освещенном салоне.

Это был просторный зал с закругленными углами, длиной в десять, шириной в шесть, высотой в пять метров. Сильные лампы, скрытые за узорчатым орнаментом потолка, выдержанного в духе мавританских сводчатых покрытий, бросали мягкий свет на сокровища этого музея. Да, это был настоящий музей, в котором мастерской и щедрой рукой были соединены воедино дары природы и искусства в том живописном беспорядке, какой отличает жилище художника.

Десятка три картин великих мастеров, в одинаковых рамах, отделенные одна от другой щитами с рыцарскими доспехами, украшали стены, обтянутые ткаными обоями строгого рисунка. Тут были полотна огромной ценности, которыми я любовался в частных картинных галереях Европы и на художественных выставках. Различные школы старинных мастеров были представлены тут: «Мадонна» Рафаэля, «Дева» Леонардо да Винчи, «Нимфа» Корреджо, «Женщина» Тициана, «Поклонение волхвов» Веронезе, «Успение» Мурильо, «Портрет» Гольбейна, «Монах» Веласкеса, «Мученик» Рибейры, «Ярмарка» Рубенса, два фламандских пейзажа Тенирса, три жанровые картинки Жерара Доу, Метсю, Поля Поттера, два полотна Жерико и Прюдона, несколько морских видов Бекюйзена и Верне. Современная живопись была представлена картинами Делакруа, Энгра, Декампа, Труайона, Мессонье, Добиньи и т. д.; несколько очаро-

вательных мраморных и бронзовых копий античных скульптур на высоких пьедесталах стояло по углам великолепного музея. Предсказание командира «Наутилуса» начинало сбываться: я был буквально ошеломлен.

– Господин профессор, – сказал этот загадочный человек, – надеюсь, вы извините меня за то, что я принимаю вас запросто и в гостиной беспорядок.

– Сударь, – отвечал я, – не доискиваясь, кто вы такой, смею предполагать, что вы художник!

– Любитель, сударь, не более! Когда-то мне доставляло удовольствие собирать прекрасные творения рук человеческих. Я был страстный, неутомимый коллекционер, и мне удалось приобрести несколько вещей большой ценности. Это собрание картин – последнее воспоминание о земле, которая для меня уже не существует. В моих глазах ваши современные живописцы – то же, что старинные мастера. Гений не имеет возраста.

– А композиторы? – спросил я, указывая на партитуры Вебера, Россини, Моцарта, Бетховена, Гайдна, Мейербера, Герольда, Вагнера, Обера, Гуно и многих других, разбросанные на огромнейшей фисгармонии, занимавшей всю стену между дверьми.

– Для меня эти композиторы, – отвечал капитан Немо, – современники Орфея, ибо понятие о времени стирается в памяти мертвых, а я мертв, господин профессор! Я такой же труп, как и те ваши друзья, которые покоятся в шести футах

под землей!

Капитан Немо умолк и глубоко задумался. Я смотрел на него в величайшем волнении, молча изучая его лицо. Опершись о драгоценный мозаичный стол, он, казалось, не замечал меня, забыл о моем присутствии.

Не желая нарушать течения его мыслей, я решил заняться осмотром редкостей.

Произведения искусства соседствовали с творениями природы. Водоросли, раковины и прочие дары океанской фауны и флоры, собранные, несомненно, рукой капитана Немо, занимали видное место в его коллекции. Посреди салона из гигантской тридакны бил фонтан, освещенный снизу электричеством. Края резко ребристой раковины этого исполинского двустворчатого моллюска были изящно зазубрены. В окружности раковина достигала шести метров. Стало быть, этот экземпляр превосходил размерами прекрасные тридакны, поднесенные Венецианской республикой Франциску I и служившие кропильницами в парижской церкви Святого Сульпиция.

Вокруг раковины в изящных витринах, оправленных в медь, были расположены по классам и снабжены этикетками редчайшие экспонаты океанических вод, какие когда-либо доводилось видеть натуралисту. Вообразите себе радость такого естествоиспытателя, как я!

Раздел зоофитов – «животных-цветов» – был представлен весьма любопытными образцами полипов и иглоко-

жих. Первую группу составляли органчиковые и горгониевые восьмилучевые кораллы, сирийские губки, молуккские изиды, морские перья, прелестные лофогелии норвежских морей, различные зонтичные, альциониевые, целая коллекция шестилучевых мадрепоровых кораллов, которые мой учитель Мильн Эдвардс так остроумно классифицировал на подотряды и среди которых я особо отметил очаровательных веерниц, разноцветных глазчатых кораллов с острова Бурбон, «колесницу Нептуна» с Антильских островов, бесподобные разновидности кораллов! Тут были представлены все виды обитателей коралловых рифов, колонии которых образуют настоящие острова, а со временем, возможно, и целые материки.

Иглокожие, примечательные своим известковым панцирем из многочисленных пластинок решетчатого строения, как то: красно-бурые морские звезды астриас, морские лилии, стебельчатые лилии ризокринусы, астерофоны, морские ежи, голотурии и прочие, являли полное собрание представителей этой группы.

Какой-нибудь впечатлительный конхиолог, конечно, растерялся бы, увидев соседние витрины, в которых были размещены и классифицированы представители типа моллюсков. Коллекция мягкотелых не имела цены, и мне не достало бы времени ее описать. Я назову лишь некоторые особи, и единственно ради того, чтоб сохранить в памяти их названия: изящная королевская синевакула Индийского океа-

на, вся в белых пятнах, ярко выступающих на красном и коричневом фоне, красочный «императорский спондил», весь ошетилившийся шипами, – редкий экземпляр, за который, по моему мнению, любой европейский музей заплатил бы двадцать тысяч франков; обыкновенная синевакула из морей Новой Голландии, весьма трудно добываемая; экзотические сенегальские бюккарды – двустворчатые белые раковины, такие хрупкие, что рассыпаются при малейшем дуновении; множество разновидностей морского щипца с острова Явы – улитки вроде известковых трубок, окаймленных листовидными складками, высоко ценимые любителями; все виды брюхоногих, начиная от зеленовато-желтых, которых вылавливают в морях Америки, до кирпично-красных, предпочитающих воды Новой Голландии; одни, добытые в Мексиканском заливе и примечательные своей черепицеобразной раковиной, другие – звездчатки, найденные в южных морях, и, наконец, самый редкий из всех, великолепный шпорник Новой Зеландии; затем удивительные теллины, драгоценные виды цитер и венусов, решетчатые кадраны, отливающие перламутром, с берегов Транкебара, крапчатая башенка, зеленые ракушки Китайских морей, конусовидная улитка; все виды ужовок, служащих монетами в Индии и Африке, «Слава морей» – драгоценнейшая раковина Восточной Индии; наконец, литорины, дельфинки, башенки, янтины, яйцевидки, оливы, митры, шлемы, пурпурницы, трубачи, арфы, скальницы, тритоны, цериты, веретенovidки, блюдечки,

стеклышки, клеодоры – нежные хрупкие раковины, которым ученые дали прелестные имена.

В особых отделениях лежали нити жемчуга невиданной красоты, загоравшиеся всеми огнями при электрическом освещении: розовый жемчуг, извлеченный из морской пинны Красного моря, зеленый жемчуг из галиотиса, желтый жемчуг, голубой, черный – удивительный продукт различных моллюсков всех океанов и некоторых перловиц из северных рек; и, наконец, несколько бесценных образцов, извлеченных из самых крупных и редчайших раковин-жемчужниц. Иные жемчужины были больше голубиноного яйца; каждая из них стоила дороже той жемчужины, которую путешественник Тавернье продал за три миллиона персидскому шаху, а красотой они превосходили жемчужину имама маскатского, которой, как я думал, не было равной в мире. Определить стоимость коллекции не представляло возможности. Капитан Немо должен был истратить миллионы на приобретение этих редчайших образцов; и я спрашивал себя: из каких источников черпает средства на удовлетворение своих причуд этот собиратель редкостей? Но тут капитан обратился ко мне:

– Вы рассматриваете мои раковины, господин профессор? В самом деле, они могут заинтересовать натуралиста, но для меня они имеют особую прелесть, потому что я собрал их собственными руками, и нет моря на земном шаре, которое я не обошел бы в своих поисках.

– Понимаю, капитан, вполне понимаю, какое удовольствие испытываете вы, любуясь своими сокровищами! И они собраны вашими собственными руками! Ни один европейский музей не располагает такой коллекцией океанской фауны и флоры. Но если я растрочу все свое внимание на осмотр коллекции, что же останется для судна? Я отнюдь не хочу проникать в ваши тайны, но признаюсь, что устройство «Наутилуса», его двигатели, механизмы, сообщающие ему необычайную подвижность, – все это крайне возбуждает мое любопытство. На стенах салона я вижу приборы, назначение которых мне неизвестно. Могу ли я узнать...

– Господин Аронакс, – ответил капитан, – я уже сказал вам, что вы свободны на борту моего судна, следовательно, нет такого уголка на «Наутилусе», куда бы вам был воспрещен доступ! Вы можете осматривать судно со всем его устройством, и я почту за удовольствие быть вашим проводником.

– Не нахожу слов благодарности, сударь! Постараюсь не злоупотребить вашей любезностью! Разрешите только узнать назначение этих физических приборов...

– Господин профессор, точно такие же приборы имеются в моей каюте, и там я объясню вам их назначение. Но сначала пройдемте в каюту, приготовленную для вас. Надо же вам знать, в каких условиях вы будете жить на борту «Наутилуса»!

Я последовал за капитаном Немо. Выйдя через одну из

дверей, имевшихся в каждом из округленных углов салона, мы оказались в узком проходе, пролежавшем по обоим бокам судна. Пройдя на нос корабля, капитан Немо ввел меня в каюту, вернее, в изящно обставленную комнату с кроватью, туалетным столом и прочей удобной мебелью.

Оставалось только благодарить любезного хозяина.

– Ваша каюта – смежная с моей, – сказал он, раскрывая другую дверь, – а моя сообщается с салоном, откуда мы только что вышли.

Каюта капитана обставлена была скудно, почти по-монашески: железная кровать, рабочий стол, несколько стульев, умывальник. В каюте царил полумрак. Ничего лишнего. Только необходимые вещи.

Капитан Немо указал мне на стул.

– Не желаете ли присесть? – сказал он.

Я сел, и он начал свои объяснения.

Глава двенадцатая

Всё на электрической энергии!

– Сударь, – сказал капитан Немо, указывая на приборы, висевшие на стенах каюты, – вот аппаратура, служащая для управления «Наутилуcom». Здесь, как и в салоне, она всегда у меня перед глазами и в любой момент дает мне знать, в какой точке океана находится мой подводный корабль, а также указывает его направление. Некоторые приборы вам знакомы. Вот термометр для измерения температуры воздуха на «Наутилусе»; барометр – прибор, определяющий атмосферное давление, благодаря этому мы имеем возможность предвидеть изменение погоды; гигрометр – один из приборов для измерения степени влажности в атмосфере; storm-glass сигнализирует о приближении бури; компас указывает путь; секстан позволяет по высоте солнца определить широту; хронометры дают возможность установить долготу; и, наконец, зрительные трубы, дневные и ночные, которыми я пользуюсь, осматривая горизонт, когда «Наутилус» поднимается на поверхность океана.

– Ну что ж! Все это приборы, обычные в обиходе мореплавателей, и я давно с ними знаком. Но тут есть вещи, которые, очевидно, имеют отношение к особенностям управления подводным кораблем. Хотя бы этот большой циферблат с подвижной стрелкой, не манометр ли?

– Манометр, совершенно верно! Прибор этот служит для измерения давления воды и тем самым указывает, на какой глубине находится мое подводное судно.

– А эти зонды новой конструкции?

– Термометрические зонды. Ими измеряют температуру в различных слоях воды.

– А вот эти инструменты? Я не представляю себе их назначение.

– Тут, господин профессор, я должен буду дать вам некоторые разъяснения, – сказал капитан Немо. – Не угодно ли выслушать их?

Помолчав немного, он сказал:

– В природе существует могущественная сила, послушная, простая в обращении. Она применима в самых различных случаях, и на моем корабле все подчинено ей. От нее исходит все! Она освещает, отопливает, приводит в движение машины. Эта сила – электрическая энергия!

– Электрическая энергия? – удивленно воскликнул я.

– Да, сударь.

– Однако ж, капитан, исключительная быстрходность вашего корабля плохо согласуется с возможностями электрической энергии. До сей поры динамическая сила электричества представлялась весьма ограниченной и возможности ее чрезвычайно ничтожны.

– Господин профессор, – отвечал капитан Немо, – способы использования электрической энергии на корабле значи-

тельно отличаются от общепринятых. Позволю себе на этом закончить!

– Не смею настаивать, сударь, и удовольствуюсь вашим кратким сообщением. Признаться, я изумлен! Позвольте лишь задать вопрос. Надеюсь, вы ответите, если не сочтете меня нескромным. Ведь элементы, которые служат проводниками этой чудодейственной силы, должны быстро истощаться, не так ли? Чем вы замените хотя бы цинк? Вы ведь не поддерживаете связи с землей?

– Отвечу на ваш вопрос, – сказал капитан Немо. – Прежде всего скажу, что на морском дне имеются значительные залежи руд, цинка, железа, серебра, золота и прочее, разработка которых не составит большого труда. Но я не пожелал пользоваться благами земли и предпочел позаимствовать у моря количество энергии, потребной для нужд корабля.

– У моря?

– Да, господин профессор, в море нет недостатка в этой энергии. Я мог бы, кстати сказать, проложив кабель на различных глубинах, получить ток от разности температур в различных водных слоях. Но я предпочел более практичный способ.

– Какой же?

– Вам известен состав морской воды. На тысячу граммов приходится девяносто шесть с половиной процентов чистой воды, два и две трети процента хлористого натрия; далее в небольшом количестве хлористый магний и хлористый каль-

ций, бромистый магний, сернокислый магний, сульфат и углекальциевая соль. Вы видите, что хлористый натрий содержится в морской воде в значительном количестве. Вот этот-то натрий я выделяю из морской воды и питаю им свои элементы.

– Хлористым натрием?

– Да, сударь. В соединении с ртутью он образует амальгаму, заменяющую цинк в элементах Бунзена. Ртуть в элементах не разлагается. Расходуется только натрий, а его мне поставляет море. И надо сказать, что, помимо всего, натриевые элементы по крайней мере в два раза сильнее цинковых.

– Я хорошо понимаю, капитан, все преимущество натрия в условиях, в которых вы находитесь. Натрий вам поставляет море. Отлично! Но ведь его еще надо добыть, иначе говоря, выделить из его хлористого соединения. Каким способом вы его извлекаете? Разумеется, ваши батареи могли бы послужить для электрохимического разложения хлористого натрия, но, если не ошибаюсь, расход натрия на электролиз очень высок. И что же окажется? Вы таким способом потратите натрия больше, чем его получите!

– Поэтому-то, господин профессор, я не извлекаю натрий электролитическим способом и пользуюсь для этого энергией каменного угля.

– Каменного угля?

– Скажем, морского угля, если вам угодно, – отвечал капитан Немо.

– Стало быть, вы нашли способ разрабатывать подводные каменноугольные копи?

– Господин Аронакс, вы увидите это на деле. Я только попрошу вас запастись терпением, благо в этом вам способствует излишек свободного времени. Помните лишь одно: я всем обязан океану. Океан снабжает меня электричеством, а электричество дает «Наутилусу» тепло, свет, способность двигаться – словом, жизнь!

– Но не воздух для дыхания?

– О, я мог бы получить и воздух, чистейший кислород! Но это лишнее, раз я могу подняться в любой момент на поверхность океана. Впрочем, если электрическая энергия и не вырабатывает кислород, потребный для дыхания, все же она приводит в движение мощные насосы, нагнетающие воздух в специальные резервуары, что позволяет мне, если потребуется, долгое время находиться в глубинных водах.

– Капитан, я восхищаюсь вами! – сказал я. – Вы, очевидно, сделали научное открытие, выявив двигательную мощь электрической энергии! Когда-нибудь люди поймут это!

– Не знаю, поймут ли они когда-нибудь, – холодно отвечал капитан Немо. – Но, как бы то ни было, я дал этой драгоценной силе широкое применение. Она изливает на нас свой равномерный и постоянный свет, чего недостает солнечно-му свету. Теперь взгляните на эти часы: они электрические и в точности не уступают лучшим хронометрам. Я сконструировал их по итальянской системе, разделив циферблат на

двадцать четыре часа, потому что для меня не существует ни дня, ни ночи, ни солнца, ни луны, — только лишь этот искусственный свет, который я уношу с собой в морские глубины! Видите, теперь десять часов утра.

— Совершенно верно!

— А вот и другое применение электричества. Циферблат, который вы видите перед собой, служит указателем скорости «Наутилуса». Проводами он соединяется с винтом лага, и стрелка постоянно дает мне знать, на какой скорости идет судно. Смотрите, сейчас мы идем со скоростью не более пятнадцати миль в час.

— Удивительно! — воскликнул я. — Вы, я вижу, правильно разрешили задачу, применив силу, которая в будущем заменит ветер, воду и паровые двигатели!

— Мы еще не кончили, господин Аронакс, — сказал капитан Немо, вставая. — И если вам угодно, пройдемте на корму «Наутилуса».

И я действительно ознакомился с внутренним устройством подводного корабля. Вот его точное описание, если идти от миделя к форштевню на носовую часть: столовая метров пять длиной, отделенная от библиотеки непроницаемой, точнее говоря, водонепроницаемой переборкой; библиотека длиной метров пять; салон в длину десять метров отделен второй водонепроницаемой переборкой от каюты капитана длиной пять метров; рядом моя каюта в длину два с половиной метра; и, наконец, резервуар для хранения воз-

духа, который занимает все пространство до форштевня, то есть семь с половиной метров. Итого тридцать пять метров! Водонепроницаемые переборки и герметически запиравшиеся двери служили надежной защитой, если бы в какой-либо части подводного корабля образовалась течь.

Я последовал за капитаном Немо по узким проходам, и мы опять оказались в самом центре судна. Там, заключенное между двумя непроницаемыми переборками, находилось узкое помещение. Железный трап, привинченный к стене, вел к самому потолку. Я спросил капитана, куда ведет этот трап.

– Он ведет к шлюпке, – отвечал он.

– Как! У вас есть шлюпка? – спросил я, несколько удивившись.

– Само собой! Отличное гребное судно, легкое и устойчивое. Шлюпка служит для прогулок и рыбной ловли.

– Стало быть, вам приходится подниматься на поверхность моря, чтобы спустить шлюпку в воду?

– Вовсе нет! Шлюпка помещается в специальной выемке в кормовой части палубы «Наутилуса». Это палубное судно, оно снабжено водонепроницаемой крышкой и укреплено в своем гнезде крепкими болтами. Трап ведет к узкому люку в палубе «Наутилуса», который сообщается с таким же люком в дне шлюпки. Через эти отверстия я попадаю в шлюпку. Тотчас же палубный люк закрывается. Я со своей стороны закрываю герметической крышкой отверстие в шлюпке. Затем отвинчиваю болты, и шлюпка мгновенно всплывает

на поверхность вод. Тогда я открываю герметический люк шлюпки, ставлю мачту, поднимаю паруса, берусь за весла, и вот я в открытом море!

– А как же вы возвращаетесь на борт?

– Я не возвращаюсь, господин Аронакс! «Наутилус» возвращается на поверхность океана.

– По вашему приказанию?

– По моему приказанию. Шлюпка соединена с судном электрическим кабелем. Я даю телеграмму – и дело с концом!

– И в самом деле, – говорю я, наглядевшись на все эти чудеса, – ничего не может быть проще!

Миновав лестничную клетку, мы прошли мимо открытой двери в небольшую каюту, не более двух метров в длину, в которой Консель и Нед Ленд уписывали за обе щеки отличный завтрак. Затем растворилась соседняя дверь, и мы заглянули в камбуз длиной в три метра, расположенный между вместительными кладовыми судна.

Электричество оказалось удобнее всякого газа. Все готовилось на электричестве. Провода, включенные в аппаратуру в виде платиновых пластинок, раскаляли их добела, поддерживая в плите температуру, нужную для приготовления пищи. На электричестве работал и дистилляционный аппарат, снабжавший судно чистой пресной водой. Возле камбуза помещалась ванная комната, комфортабельно оборудованная, с кранами для горячей и холодной воды.

Дальше находился матросский кубрик длиной пять метров. Но дверь была заперта, и мне не пришлось по его обстановке определить количество обслуживающего персонала на борту «Наутилуса».

Четвертая водонепроницаемая переборка отделяла кубрик от машинного отделения.

Отворилась дверь, и я оказался в помещении, где капитан Немо – первоклассный инженер – установил машины, приводившие «Наутилус» в движение.

Машинное отделение, занимавшее в длину метров двадцать, было ярко освещено. Помещение состояло из двух половин: в первой находились батареи, вырабатывавшие электрическую энергию, во второй – машины, вращавшие винт корабля.

Я сразу же почувствовал какой-то неприятный запах, стоявший в помещении. Капитан Немо заметил это.

– Вы чувствуете запах газа, – сказал он, – газ выделяется при извлечении натрия. Приходится с этим мириться! Впрочем, мы каждое утро основательно вентилируем весь корабль.

Естественно, что я с интересом осматривал машинное отделение «Наутилуса».

– Вы видите, – сказал капитан Немо, – я пользуюсь элементами Бунзена, а не Румкорфа. Последние не дали бы мне такого высокого напряжения. Батарей Бунзена у меня не так много, но зато они работают на большой мощности. Элек-

трическая энергия, выработанная батареями, передается в машинное отделение, приводит в действие электромоторы, которые через сложную систему трансмиссий сообщают вращательное движение гребному валу. И несмотря на то что винт в диаметре равен шести метрам, скорость вращения его доходит до ста двадцати оборотов в секунду.

– И вы развиваете скорость...

– Пятьдесят миль в час.

Тут крылась тайна, и я не настаивал на ее разъяснении. Как может электричество дать ток столь высокого напряжения? В чем источник этой сверхмощной энергии? В высоком ли качестве арматуры нового образца, в которой индуцируется ток? В системе ли трансмиссий неизвестной дотоле конструкции, способной довести силу напряжения до бесконечности? Я не мог этого понять.

– Капитан Немо, – сказал я, – результаты налицо, и я не притязаю на объяснения. Я не забыл еще, как искусно маневрировал «Наутилус» вокруг «Авраама Линкольна», и мне известна его быстроходность. Но развить скорость – этого еще недостаточно. Нужно видеть, куда идешь! Нужно иметь возможность направлять судно вправо, влево, вверх, вниз! Каким способом погружаетесь вы на большие глубины, где давление достигает ста атмосфер? Каким способом вы поднимаетесь на поверхность океана? Наконец, каким способом вы движетесь вперед в избранных вами глубинных слоях? Но, может быть, нескромно с моей стороны задавать подоб-

ные вопросы?

– Нисколько, господин профессор, – отвечал капитан после некоторого колебания. – Ведь вы навсегда связаны с подводным кораблем. Пойдемте в салон. Там у нас настоящий рабочий кабинет, и там вы узнаете все, что вам должно знать о «Наутилусе».

Глава тринадцатая

Некоторые цифры

Вскоре мы сидели на диване в салоне с сигарами во рту. Капитан разложил передо мной чертежи, представлявшие в продольном и поперечном разрезе план «Наутилуса». Затем он сказал:

– Вот, господин Аронакс, чертежи судна, на котором вы находитесь. Судно представляет собой сильно удлинённый цилиндр с коническими концами. По своей форме оно напоминает сигару, а эта форма считается в Лондоне лучшей для подобного рода конструкций. Длина цилиндра семьдесят метров; наибольшая ширина – восемь метров. Пропорция судна несколько отступает от обычного для ваших быстроходных паровых судов отношения ширины к длине, как единицы к десяти, но и при данном соотношении лобовое сопротивление невелико и вытесняемая вода не затрудняет хода корабля.

Эти две величины уже позволяют вычислить площадь и объём «Наутилуса». Площадь его равняется одной тысяче одиннадцати и сорока пяти сотым квадратных метров, объём равен одной тысяче пятистам и двум десятым кубических метров; короче говоря, корабль, полностью погружённый в воду, вытесняет тысячу пятьсот и две десятых кубических метров, или тонн, воды.

Составляя план судна, предназначенного для подводного плавания, я исходил из того расчета, что при спуске в воду девять десятых его объема были бы погружены в море и одна десятая выступала из воды. При таких условиях судно должно было вытеснять только девять десятых своего объема, иначе говоря, одну тысячу триста пятьдесят шесть и сорок восемь сотых кубических метров воды, и весить столько же тонн. Конструкция судна не допускала, стало быть, нагрузки свыше этого веса.

«Наутилус» имеет два корпуса, один наружный, другой внутренний; они соединены между собой железными балками, имеющими двутавровое сечение, которые придают судну чрезвычайную прочность. В самом деле, благодаря такой конструкции судно противостоит любому давлению, подобно монолиту. Крепостью своего корпуса «Наутилус» обязан отнюдь не заклепкам обшивки: монолитность его конструкции достигнута путем сварки и обеспечена однородностью материалов, что позволяет ему вступать в единоборство с самыми бурными морями.

Двойная обшивка корабля изготовлена из листовой стали, удельный вес которой равен семи целым и восьми десятым. Толщина наружной обшивки не менее пяти сантиметров, вес триста девяносто четыре и девяносто шесть сотых тонны. Внутренняя обшивка, киль – в высоту пятьдесят сантиметров и в ширину двадцать пять сантиметров, весом шестьдесят две тонны, – машины, балласт и прочее обо-

рудование, обстановка, внутренние переборки и пилерсы – все это, вместе взятое, весит девятьсот шестьдесят одну и шестьдесят две сотых тонны. Таким образом, общий вес судна составляет одну тысячу триста пятьдесят шесть и сорок восемь сотых тонны, ясно?

– Совершенно ясно, – отвечал я.

– Стало быть, – продолжал капитан, – находясь на поверхности океана, «Наутилус» при этих условиях выступает над поверхностью воды на одну десятую. Следовательно, желая полностью погрузить «Наутилус» в воду, необходимо располагать резервуарами, емкостью равными этой десятой доле его объема, иными словами, способными вмещать в себя сто пятьдесят и семьдесят две сотых тонны воды. В последнем случае вес судна составил бы одну тысячу пятьсот семь тонн, и оно совершенно ушло бы под воду. Так и есть в действительности, господин профессор! Такие резервуары имеются в трюме «Наутилуса». Стоит открыть краны, как они наполняются водой, и корабль погружается в море в уровень с поверхностью воды!

– Хорошо, капитан! Но вот тут и возникает главное затруднение! Допустим, что ваше судно может держаться в уровень с поверхностью океана. Но, погружаясь в глубинные слои, разве ваш подводный корабль не испытывает повышенного давления верхних слоев воды? Разве это давление не выталкивает его снизу вверх с силой, которая равна примерно одной атмосфере на каждые тридцать футов воды, то есть

около одного килограмма на квадратный сантиметр?

– Совершенно верно, сударь.

– Стало быть, для того чтобы «Наутилус» опустился в глубины океана, вам приходится до отказа наполнить резервуары водой?

– Господин профессор, – отвечал капитан Немо, – не следует смешивать статику с динамикой, это может повести к серьезным промахам. Не требуется больших усилий, чтобы опуститься в глубины океана, потому что корпус корабля имеет тенденцию «тонуть» в воде. Вы следите за ходом моей мысли?

– Я слушаю вас, капитан.

– Так вот, когда мне пришлось определять, каков должен быть вес «Наутилуса», чтобы он мог погружаться в глубины, я занялся прежде всего расчетом уменьшения объема морской воды на различных глубинах под давлением верхних водных слоев.

– Совершенно очевидно, – отвечал я.

– Но если вода и обладает способностью сжиматься, все же сжимаемость ее весьма ограничена. Действительно, согласно последним данным, вода сжимается на четыреста тридцать шесть десятимиллионных при повышении давления на одну атмосферу, или, скажем, на каждые тридцать футов глубины. При погружении на глубину тысячи метров приходится брать в расчет сокращение объема от давления водяного столба высотой в тысячу метров, иначе говоря, от

давления в сто атмосфер. Итак, сокращение объема составит в этих условиях четыреста тридцать шесть сотых тысяч. Следовательно, водоизмещение судна увеличится до одной тысячи пятисот тринадцати и семидесяти семи сотых тонны; между тем нормальный тоннаж судна одна тысяча пятисот семь и две десятых тонны. А стало быть, для увеличения водоизмещения судна потребуется балласт весом всего лишь в шесть и пятьдесят семь сотых тонны.

– Всего лишь?

– Всего лишь, господин Аронакс! И расчет этот легко проверить. У меня имеются запасные резервуары емкостью в сто тонн. Благодаря этому я могу погружаться на значительные глубины. Если я хочу подняться в уровень с поверхностью моря, мне достаточно выкачать воду из запасных резервуаров. Если я захочу, чтобы «Наутилус» вышел на поверхность океана на одну десятую своего объема, я должен до отказа опорожнить резервуары.

Что можно было возразить против чисто математической выкладки капитана?

– Должен признать правильность ваших вычислений, капитан, – отвечал я, – и напрасно было бы их оспаривать, тем более что ваши расчеты каждодневно оправдываются на практике. Но у меня возникает сомнение...

– Какого рода, сударь?

– Когда вы находитесь на глубине тысячи метров, обшивка «Наутилуса» испытывает давление ста атмосфер, не так

ли? Но если вы пожелаете опорожнить резервуары, чтобы, облегчив судно, поднять его на поверхность, вашим насосам придется преодолеть давление ста атмосфер, не так ли? А ведь это равняется ста килограммам на квадратный сантиметр! Тут нужна большая мощность...

— ...которую может дать только электричество, — поспешил досказать капитан Немо. — Повторяю, сударь: возможности моих машин почти не ограничены. Насосы «Наутилуса» большой мощности. Вы могли в этом убедиться, когда на палубу «Авраама Линкольна» обрушился целый водяной столб, извергнутый ими. Впрочем, я пользуюсь запасными резервуарами лишь в крайнем случае, а именно при погружении на глубины от полутора до двух тысяч метров. Без особой нужды я не перегружаю батареи. Ну а ежели мне приходит фантазия побывать в океанских пучинах, короче говоря, на глубине двух-трех лье под поверхностью воды, я пользуюсь более сложным маневром, но не менее надежным.

— Что это за маневр, капитан? — спросил я.

— Предварительно я должен рассказать вам, каким способом управляется «Наутилус».

— Я весь нетерпение, капитан!

— Чтобы направлять судно на штирборт, на бакборт, чтобы делать эволюции, короче говоря, вести судно по горизонтальной плоскости, я пользуюсь обыкновенным рулем с широким пером, подвешенным к ахтерштевню, который приводится в движение штурвалом посредством шуртрота. Но

я могу направлять «Наутилус» и в вертикальной плоскости, сверху вниз и снизу вверх, посредством двух наклонных плоскостей, свободно прикрепленных к его бортам у ватерлинии. Плоскости эти подвижны и приводятся в любое положение изнутри судна при помощи мощных рычагов. Если плоскости поставлены параллельно килю, судно идет по горизонтали. Если они наклонны, «Наутилус», в зависимости от угла наклона, увлекаемый винтом, либо опускается по диагонали, удлиняемой по моему желанию, либо поднимается по той же диагонали. Более того, при желании можно ускорить подъем, выключив винт. Под давлением воды «Наутилус» всплывает на поверхность по вертикали, как взлетает в воздух наполненный водородом аэростат.

– Bravo, капитан! – вскричал я. – Но как может рулевой вести подводный корабль вслепую?

– Управление ходом судна производится из рубки, образующей выступ в наружной части корабельного корпуса. Иллюминаторы рубки из толстого черепицеобразного стекла.

– И стекло способно выдержать такое давление?

– Как нельзя лучше! Хрусталь, при всей своей ломкости при падении, оказывает, однако, значительное сопротивление давлению воды. В тысяча восемьсот шестьдесят четвертом году производилась в Северном море опытная рыбная ловля при электрическом свете. И что же? Хрустальные пластинки в семь миллиметров толщиной выдержали давление в шестнадцать атмосфер! Причем надо сказать, что

был включен ток высокого напряжения. Стекла же, которыми пользуюсь я, имеют толщину не менее двадцати одного сантиметра, то есть в тридцать раз толще упомянутых пластинок.

– Все это так, капитан Немо! Но чтобы ориентироваться в пути, необходим свет, который рассеивал бы тьму. А во мраке вод...

– Позади рубки помещается мощный электрический рефлектор, который освещает море на расстоянии полмили.

– Браво! Брависсимо, капитан! Теперь я понимаю, что означало свечение моря, столь смущавшее ученых! Вот он, пресловутый фосфоресцирующий нарвал! Кстати, скажите, столкновение «Наутилуса» с «Шотландией», наделавшее столько шуму, чистая случайность?

– Чистейшая, сударь! Я плыл в двух метрах под уровнем моря, когда произошло столкновение. Впрочем, я сразу же увидел, что оно не имело печальных последствий.

– Никаких, сударь! Ну а что касается вашей встречи с «Авраамом Линкольном»...

– Весьма прискорбно, профессор, что пострадал один из лучших кораблей американского флота, но на меня напали, я вынужден был защищаться. Впрочем, я удовольствовался тем, что обезвредил фрегат. Судно отделается легким ремонтом в ближайшем порту!

– О командир, – воскликнул я, – ваш «Наутилус» действительно чудеснейшее судно!

— Да, господин профессор, — взволнованно отвечал капитан Немо, — я люблю его, как плоть от плоти моей! Если ваши суда, подверженные всем случайностям мореплавания, всюду подстерегает опасность, если первое впечатление, которое производит море, как хорошо сказал голландец Янсен, — страх бездны, то на борту «Наутилуса» человек может быть спокоен. Тут нечего бояться прогиба в корпусе, ибо двойная обшивка судна крепче железа; тут нет такелаж, который страдает от боковой качки или «устает» от качки килевой; нет парусов, которые может сорвать ветер; нет паровых котлов, которые могут взорваться; тут исключена опасность пожара, потому что на корабле нет деревянных частей; нет угля, запас которого может истощиться, потому что корабль управляется электрическими аппаратами; нет опасности столкновения, ибо он один плавает в морских пучинах; не страшны и бури, потому что в нескольких метрах под уровнем моря царит глубокий покой!.. Так-с, сударь! Вот совершенный подводный корабль! И если верно, что изобретатель больше верит в свое судно, нежели конструктор, а конструктор больше, чем сам капитан, то поймите, с каким безграничным доверием отношусь к «Наутилусу» я, одновременно изобретатель, конструктор и капитан судна!

Капитан Немо говорил с большим воодушевлением. Горящий взгляд, порывистые движения совершенно преобразили его. Да, он любил свое судно, как отец любит свое детище!

Но вопрос, возможно, нескромный, так и срывался с моих

губ; и наконец я все же спросил:

– Вы, стало быть, инженер, господин Немо?

– Да, господин профессор, – ответил он, – я обучался в Лондоне, Париже и Нью-Йорке в те времена, когда еще был жителем земли.

– Но как же вам удалось сохранить в тайне строительство этого удивительного подводного корабля?

– Каждая часть корабля, господин Аронакс, получена мной из различных стран земного шара. Предназначение каждого заказа было вымышленным. Киль «Наутилуса» выкован у Крезо, гребной вал у «Пена и компании» в Лондоне, винт у Скотта в Глазго, резервуары у «Кайля и компании» в Париже, листовая обшивка корпуса у Лерда в Ливерпуле, машины у Круппа в Пруссии, таран в мастерских Мотала в Швеции, измерительные приборы у братьев Гарт в Нью-Йорке и так далее. Поставщики получали мои чертежи, подписанные всякий раз другим именем.

– Но, получив отдельные части, вы должны были их собрать, смонтировать? – спросил я.

– Господин профессор, моя судостроительная верфь находилась на пустынном острове, в открытом океане. Там обученные мной рабочие, мои отважные товарищи, под моим наблюдением собрали наш «Наутилус». Когда корабль был собран, огонь уничтожил всякие следы нашего пребывания на острове, который, если бы мог, я взорвал бы!

– Надо полагать, что корабль стоил вам немалых денег?

– Господин Аронакс, броненосец обходится в одну тысячу сто двадцать пять франков с каждой тонны. «Наутилус» весит тысячу пятьсот тонн. Стало быть, он обошелся около двух миллионов франков, если считать только стоимость его оборудования, и не менее четырех или пяти миллионов франков вместе с коллекциями и художественными произведениями, хранящимися в нем.

– Разрешите, капитан, задать последний вопрос?

– Извольте, господин профессор!

– Вы очень богаты?

– Несметно богат! Я мог бы свободно уплатить десять миллиардов государственного долга Франции!

Я пристально посмотрел на своего собеседника. Не злоупотреблял ли он моей доверчивостью? Время покажет!

Глава четырнадцатая

«Черная река»

Площадь, занимаемая водой на поверхности земного шара, исчисляется в три миллиона восемьсот тридцать две тысячи пятьсот пятьдесят восемь квадратных мириаметров;¹⁴ иначе говоря, вода занимает свыше тридцати восьми миллионов гектаров земной поверхности. Объем этой жидкой массы равен двум миллиардам двумстам пятидесяти миллионам кубических миль; и если вообразить себе эту жидкую массу в форме шара, то окажется, что диаметр его равен шестидесяти лье, а вес составляет три квинтиллиона тонн. А чтобы осмыслить эти цифры, необходимо знать, что квинтиллион относится к миллиарду, как миллиард к единице, иными словами, в квинтиллионе столько же миллиардов, сколько в миллиарде единиц. Образно говоря, такое количество воды могли бы излить все земные реки лишь в течение сорока тысяч лет.

В геологическом прошлом нашей планеты за огненным периодом следовал период водяной. Земная поверхность представляла собой ложе Мирового океана. Затем, в силурийский период, начался горообразовательный процесс; из вод выступили горные вершины, на поверхности океана по-

¹⁴ Мириаметр – десять тысяч метров.

явились острова, которые исчезали во время потопов и затем вновь возникали, соединяясь между собой и образуя материки; соотношение между пространствами суши и воды на Земле неоднократно изменялось, и, наконец, рельеф земной поверхности принял те очертания, какие мы видим на современных географических картах. Суша отвоевала у воды тридцать семь миллионов шестьсот пятьдесят семь квадратных миль, или двенадцать миллиардов девятьсот шестнадцать миллионов гектаров.

Очертания материков позволяют разделить мировые воды на пять главных водоемов: Северный Ледовитый океан, Южный Ледовитый океан, Индийский океан, Атлантический океан, Тихий океан.

Тихий океан простирается с севера на юг, занимая все пространство между обоими полярными кругами, и с запада на восток, между Азией и Америкой, на протяжении ста сорока пяти градусов долготы. Это самый спокойный из океанов, течения его широки и не быстры, приливы и отливы умеренны, осадки обильны. Таков океан, с которого началось мое путешествие в самых необычайных условиях.

– Господин профессор, – сказал капитан Немо, – если вам угодно, мы с точностью определим место, где мы находимся, и установим отправную точку нашего путешествия. Теперь без четверти двенадцать. Я прикажу поднять судно на поверхность океана.

Капитан нажал трижды кнопку электрического звонка.

Тотчас же насосы начали выкачивать воду из резервуаров; стрелка манометра поползла вверх, указывая на то, что давление все уменьшается; наконец она замерла на месте.

– Мы вышли на поверхность, – сказал капитан.

Я направился к центральному трапу. Взобравшись по железным ступенькам наверх, я вышел через открытый люк на палубу «Наутилуса».

Палуба выступала из воды не больше чем на восемьдесят сантиметров. Округлый и длинный корпус «Наутилуса» и в самом деле был похож на сигару. Я обратил внимание на то, что черепитчатая обшивка из листового железа напоминала чешую, покрывающую тело наземных пресмыкающихся. И я понял, почему, несмотря на самые сильные подозрительные трубы, это судно всегда принимали за морское животное.

Полускрытая в корпусе «Наутилуса» шлюпка образовывала небольшую выпуклость в самой середине палубы. На носу и на корме выступали две невысокие кабины с наклонными стенками, частично прикрытые толстым чечевицеобразным стеклом: передняя служила рубкой рулевого, в задней был установлен мощный электрический прожектор, освещавший путь.

Океан был великолепен, небо ясно. Длинный корпус судна лишь слегка покачивался на широких океанских волнах. Легкий восточный ветерок чуть рябил водную гладь. Туман не застилал линии горизонта, и можно было с большой точностью вести наблюдение.

Ничто не останавливало взгляда. Ни островка, ни скалы в виду. Ни следа «Авраама Линкольна»... Необозримая пустыня!

Капитан Немо, взяв секстан, приготовился измерить высоту солнца, чтобы определить, на какой широте мы находимся. Он ожидал несколько минут, пока дневное светило не вышло из-за облака. И покамест он наблюдал, ни один мускул его руки не дрогнул, словно секстан держала рука статуи.

– Полдень, – сказал капитан. – Господин профессор, не угодно ли вам...

Я кинул последний взгляд на желтоватые воды, омывавшие, несомненно, японские берега, и сошел вслед за ним в салон.

Там капитан сделал при помощи хронометра вычисления, определил долготу данного места и проверил свой расчет по предшествующим угломерным наблюдениям. Затем он сказал:

– Господин Аронакс, мы находимся под сто тридцать седьмым градусом и пятнадцатью минутами западной долготы...

– По какому меридиану? – живо спросил я, надеясь, что ответ капитана прольет свет на его национальность.

– Сударь, – отвечал он, – у меня разные хронометры, поставленные по Парижскому, Гринвичскому и Вашингтонскому меридианам. Но в честь вас я выбираю Парижский.

Ответ не осветил ровно ничего. Я поклонился, а капитан

продолжал:

– Под ста тридцатью семью градусами и пятнадцатью минутами западной долготы от Парижского меридиана и под тридцатью градусами и семью минутами северной широты, иными словами, в трехстах милях от берегов Японии. Итак, сегодня, восьмого ноября, в полдень, начинается наше кругосветное путешествие под водой.

– Храни нас господь! – сказал я.

– А теперь, господин профессор, – прибавил капитан, – продолжайте свои занятия. Я приказал взять курс на восток-северо-восток и идти на глубине пятидесяти метров. На карте ежедневно будет отмечаться пройденный нами путь. Салон в вашем распоряжении. А теперь позвольте покинуть вас.

Капитан Немо откланялся и вышел. Я остался наедине со своими мыслями. Я думал о капитане «Наутилуса». Узнаю ли я когда-нибудь, какой национальности этот загадочный человек, отрекшийся от своей родины? Что вызвало в нем ненависть к человечеству – возможно, ненависть, жаждавшую отмщения? Не из тех ли он непризнанных ученых, не из тех ли гениев, которых, как говорит Консель, «обидел свет»? Не современный ли Галилей, не жрец ли науки, как американец Мори, ученая карьера которого была прервана политическими событиями? Неизвестно! Случай бросил меня на борт его судна, и жизнь моя была в его руках. Он встретил меня холодно, но не отказал в гостеприимстве. Ни разу не

пожал он моей протянутой руки. Ни разу не подал мне своей руки!

Целый час провел я в размышлениях, стараясь проникнуть в волнующую тайну этого человека. Нечаянно взгляд мой упал на карту Земли, разложенную на столе; и я, водя пальцем по карте, нашел точку скрещения долготы и широты, указанные капитаном Немо.

На океанах, как и на материках, есть свои реки. Это океанские течения, которые легко узнать по цвету и температуре и самое значительное из которых известно под названием Гольфстрим. Наука нанесла на карту земного шара направление пяти главнейших течений: первое на севере Атлантического океана, второе на юге Атлантического океана, третье на севере Тихого океана, четвертое на юге Тихого океана и, наконец, пятое, в южной части Индийского океана. Вполне вероятно, что в северной части Индийского океана существовало и шестое течение в те времена, когда Каспийское и Аральское моря и большие озера Азии составляли одно водное пространство.

Путь «Наутилуса» лежал по одному из таких течений, обозначенному на карте под японским названием «*Куро-Сиво*», что значит «Черная река». Выйдя из Бенгальского залива, согретое отвесными лучами тропического солнца, это течение проходит через Малаккский пролив, идет вдоль берегов Азии и, огибая их в северной части Тихого океана, достигает Алеутских островов; оно увлекает с собой стволы кам-

фарного дерева, тропические растения и резко отличается ярко-синим цветом своих теплых вод от холодных вод океана.

Я изучал путь этого течения по карте, представляя себе, как оно теряется в бескрайних просторах Тихого океана, и воображение так увлекло меня, что я не заметил, как Нед Ленд и Консель вошли в салон.

Мои спутники не могли прийти в себя от удивления при виде чудес, представших перед их глазами.

– Где же мы находимся? Где? – вскричал канадец. – Не в Квебекском ли музее?

– С позволения сказать, – заметил Консель, – скорее в особняке Соммерара!

– Друзья мои, – сказал я, приглашая их подойти поближе, – вы не в Канаде и не во Франции, а на борту «Наутилуса», в пятидесяти метрах ниже уровня моря.

– Приходится поверить, раз сударь так говорит, – сказал Консель. – Но, признаться, этот салон может удивить даже такого фламандца, как я.

– Удивляйся, мой друг, да, кстати, осмотри витрины, там найдется много любопытного для такого классификатора, как ты.

Поощрять Конселя не было надобности. Склонившись над витриной, он уже бормотал что-то на языке натуралистов: «...брюхоногие, класс животных из типа моллюсков, семейство трубачей, вид Мадагаскарской ципреи...»

Тем временем Нед Ленд, мало осведомленный в конхиологии, расспрашивал меня о моем свидании с капитаном Немо. Узнал ли я, кто он, откуда прибыл, куда направляется, в какие глубины увлекает нас. Короче говоря, он задавал мне тысячи вопросов, на которые я не успевал отвечать.

Я сообщил ему все, что я знал, вернее, чего я не знал, и, в свою очередь, спросил его, что он слышал или видел со своей стороны.

– Ничего не видел, ничего не слышал, – отвечал канадец. – Даже из команды судна никто мне на глаза не попался. Неужто и экипаж электрический?

– Электрический!

– Ей-ей, в это можно поверить! Но вы, господин Аронакс, – спросил Нед Ленд, одержимый своим замыслом, – вы-то можете мне сказать, сколько людей на борту? Десять, двадцать, пятьдесят, сто?

– Не могу вам на это ответить, Нед! И послушайте меня, выбросьте-ка из головы вашу затею овладеть «Наутилусом» или бежать с него. Судно – настоящее чудо современной техники, и я очень сожалел бы, если б мне не довелось с ним ознакомиться. Многие пожелали бы оказаться в нашем положении, хотя бы ради возможности посмотреть на все эти чудеса. Поэтому успокойтесь и давайте наблюдать за тем, что происходит вокруг нас.

– «Наблюдать»! – вскричал гарпунер. – Да разве что увидишь в этой железной тюрьме! Мы движемся, мы плывем,

как слепые...

Не успел Нед окончить фразу, как вдруг в салоне стало темно. Светоносный потолок померк так внезапно, что я почувствовал боль в глазах, как это бывает при резком переходе из мрака на яркий свет.

Мы замерли на месте, не зная, что нас ожидает, – удовольствие или неприятность. Но тут послышался какой-то шорох. Словно бы железная обшивка «Наутилуса» стала раздвигаться.

– Конец конца! – сказал Нед Ленд.

– Отряд гидромедуз! – бормотал Консель.

Внезапно салон опять осветился. Свет проникал в него с обеих сторон через огромные овальные стекла в стенах. Водные глубины были залиты электрическим светом. Хрустальные стекла отделяли нас от океана. В первый момент я содрогнулся при мысли, что эта хрупкая преграда может разбиться; но массивная медная рама сообщала стеклам прочность почти несокрушимую.

Морские глубины были великолепно освещены в радиусе одной мили от «Наутилуса». Дивное зрелище! Какое перо достойно его описать! Какая кисть способна изобразить всю нежность красочной гаммы, игру световых лучей в прозрачных морских водах, начиная от самых глубинных слоев до поверхности океана!

Прозрачность морской волны известна. Установлено, что морская вода чище самой чистой ключевой воды. Минераль-

ные и органические вещества, содержащиеся в ней, только увеличивают ее прозрачность. В некоторых частях океана, у Антильских островов, сквозь слой воды в сто сорок пять метров можно прекрасно видеть песчаное дно, а солнечные лучи проникают на триста метров в глубину! Но электрический свет, вспыхнувший в самом лоне океана, не только освещал воду, но и превращал жидкую среду вокруг «Наутилуса» в жидкий пламень.

Если допустить гипотезу Эремберга, полагавшего, что вода в морских глубинах фосфоресцирует, то надо признать, что природа поберегла для обитателей морей одно из самых чарующих зрелищ, о чем я могу свидетельствовать, наблюдая игру световых лучей, преломляющихся в грани тысячи жидких алмазов. Окна по обе стороны салона были открыты в глубины неизведанного. Темнота в комнате усиливала яркость наружного освещения, и казалось, глядя в окна, что перед нами гигантский аквариум.

Создавалось впечатление, что «Наутилус» стоит на месте. Объяснялось это тем, что в виду не было никакой неподвижной точки. Но все же океанские воды, рассеченные форштевнем судна, порой проносились перед нашими глазами с чрезвычайной скоростью.

Очарованные картиной подводного мира, опершись на выступ оконной рамы, мы прильнули к стеклам, не находя слов от удивления, как вдруг Консель сказал:

– Вы желали видеть, милейший Нед, ну вот и смотрите!

– Удивительно! Удивительно! – говорил восторженно канадец, позабыв и свой гнев и свои планы бегства. – Стоило приехать издалека, чтобы полюбоваться на такое чудо!

– Да, теперь мне понятна жизнь этого человека! – воскликнул я. – Он проник в особый мир, и этот мир раскрывал перед ним свои самые сокровенные тайны!

– Но где же рыбы? – спрашивал канадец. – Я не вижу рыб!

– А на что они вам, милейший Нед? – отвечал Консель. – Ведь в рыбах вы ничего ровно не смыслите.

– Я? Да ведь я рыбак! – вскричал Нед Ленд.

И между друзьями завязался спор; оба они знали толк в рыбах, но каждый по-своему.

Известно, что рыбы составляют четвертый, и последний, класс позвоночных.¹⁵ Им дано очень точное определение: «Позвоночные – животные с двойным кровообращением и холодной кровью, дышат жабрами и приспособлены жить в воде». Рыбы подразделяются на костистых и хрящевых. Костистые – это рыбы, у которых костяной скелет; хрящевые – рыбы, у которых скелет хрящевой.

Канадец, возможно, слышал о таком подразделении, но Консель, более сведущий в этой области, не мог из чувства дружбы допустить, чтобы Нед оказался менее образованным, чем он. Поэтому он сказал:

– Милейший Нед, вы гроза рыб, искуснейший рыболов! Вы переловили множество этих занятных животных. Но

¹⁵ Современная систематика делит позвоночных на 6 классов.

бьюсь об заклад, что вы и понятия не имеете, как их классифицируют.

– Как классифицируют рыб? – серьезно отвечал гарпунер. – На съедобных и несъедобных!

– Вот так гастрономическая классификация! – воскликнул Консель. – А не скажете ли вы, чем отличаются костистые рыбы от хрящевых?

– А может быть, и скажу, Консель!

– А вы знаете, как подразделяются эти два основных класса?

– Понятия не имею, – отвечал канадец.

– Так вот, милейший Нед, слушайте и запоминайте! Костистые рыбы подразделяются на шесть подотрядов: primo, колючеперые, с цельной и подвижной верхней челюстью, с гребенчатыми жабрами. Подотряд включает пятнадцать семейств, иначе говоря, почти три четверти всех известных рыб. Представитель подотряда: обыкновенный окунь.

– Рыба недурна на вкус, – заметил Нед Ленд.

– Secundo, – продолжал Консель, – рыбы с брюшными плавниками, расположенными позади грудных, но не соединенными с плечевой костью. Подотряд включает пять семейств, и сюда относится большая часть пресноводных рыб. Представители подотряда: карп, щука.

– Фи, – сказал канадец с пренебрежением, – пресноводные рыбы!

– Tertio, – продолжал Консель, – мягкоперые, у которых

брюшные плавники находятся под грудными и непосредственно связаны с плечевой костью. Подотряд включает четыре семейства. Представители: палтус, камбала, тюрбо и так далее...

– Превосходные рыбы! Превосходные! – восклицал гарпунер, не признававший другой классификации, кроме вкусовой.

– Quarto, – продолжал не смущаясь Консель, – бесперые, с удлинённым телом, без брюшных плавников, покрытые жесткой и слизистой кожей. Подотряд включает только одно семейство. Сюда относятся угревые: угорь обыкновенный, гимнот – угорь электрический.

– Посредственная рыба! Посредственная! – заметил Нед Ленд.

– Quinto, – говорил Консель, – пучкожаберные, с цельной подвижной челюстью; жабры состоят из кисточек, расположенных попарно вдоль жаберных дуг. В этом подотряде одно семейство. Представители: морской конек, летучий дракон.

– Мерзость! Мерзость! – заметил гарпунер.

– Sexto, – сказал Консель в заключение, – сrostночелюстные, у которых кости, ограничивающие рот сверху, сращены, придавая полную неподвижность челюсти, – подотряд, порочающий настоящих рыб. Представители: иглобрюхи, луна-рыба.

– Ну, эта рыба только осквернит кастрюлю! – вскричал канадец.

– Вы хоть сколько-нибудь поняли, милейший Нед? – спросил ученый Консель.

– Нисколько, милейший Консель! – отвечал гарпунер. – Но валяйте дальше, любопытно послушать!

– Что касается хрящевых рыб, – невозмутимо продолжал Консель, – они подразделяются на три отряда.

– И того много! – буркнул Нед.

– Primo, круглоротые, у которых вместо челюсти одно срединное носовое отверстие, а позади черепа ряд круглых жаберных отверстий. Отряд включает лишь одно семейство. Представитель: минога.

– Хороша рыба! – сказал Нед Ленд.

– Secundo, селахии; жабры у них похожи на жаберные отверстия круглоротых, но с подвижной нижней челюстью. Отряд самый значительный в классе. Подразделяется на два семейства. Представители: акулы и скаты.

– Как! – вскричал Нед. – Скот и акула в одном отряде? Ну, милейший Консель, в интересах скатов не советую вам сажать их вместе в один сосуд!

– Tertio, – продолжал Консель, – осетровые. Жабры у них открываются, как обычно, одной щелью, снабженной жаберной крышкой, – отряд включает четыре вида. Представитель семейства: осетр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.